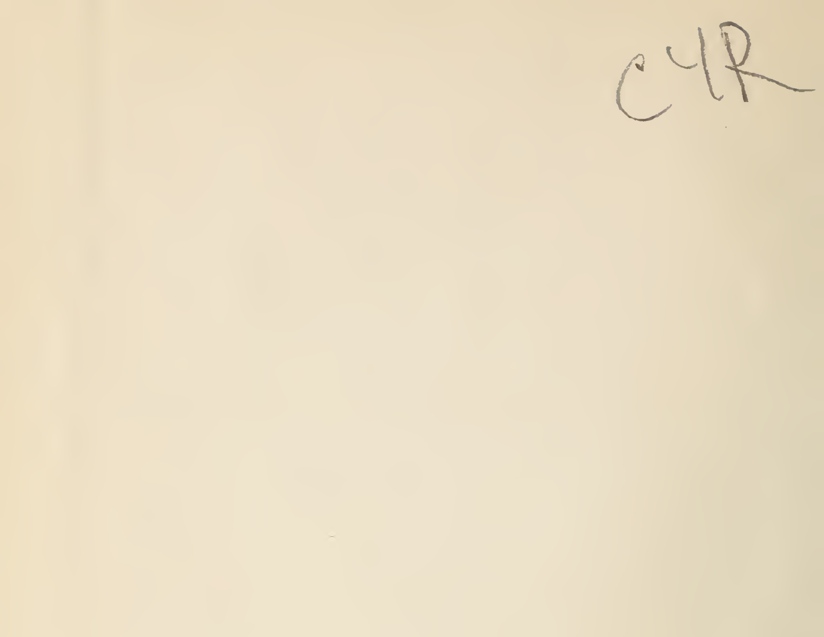
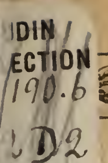

DK 188
.6
.R3 D38
Copy 1

A.D. 1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛIОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ЗАМѢЧАНІЯ

НА НЕКРОЛОГІЮ

Н. Н. РАЕВСКАГО.

Сочиненіе

ДЕНИСА ДАВЫДОВА.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,

при Императорской Мед.-Хирургической Академіи.

1832.

Davydov, Denis Vasil'evich
Zamiechaniia na nekrologiiu N. N. Raevskago

ЗАМѢЧАНІЯ
НА НЕКРОЛОГІЮ
Н. Н. РАЕВСКАГО,

изданную при Инвалидѣ 1829 года,

съ прибавленіемъ

ЕГО СОБСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ

на нѣкоторыя

Событія войны 1812 года,

въ коихъ онъ участвовалъ.

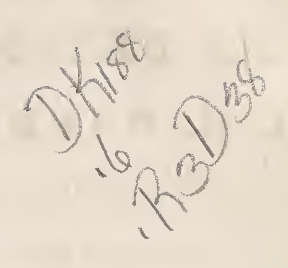
Сочиненіе

ДЕНИСА ДАВЫДОВА.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Медико-Хирургической Академіи.

1832.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Апрѣля 23 дня, 1832 года.

Профес. Ценсоръ и Кавалеръ Ив. Снегиревъ.

Изданіе Книгопродавца Салаева.

НЕКРОЛОГІЯ (*)

ГЕНЕРАЛА ОТЪ КАВАЛЕРІИ

Н. Н. РАЕВСКАГО.

1829 года Сентября 16 дня, скончался въ помѣстьѣ своемъ, Кіевской губерніи, Чигиринскаго повѣта, въ селѣ Болтышкѣ, Генералъ отъ Кавалеріи и Членъ Государственнаго Совѣта Николай Николаевичъ Раевскій. Память его драгоцѣнна Отечеству; имя его вѣчно будетъ славно въ Русской Арміи, а жизнь принадлежитъ Исторіи.

Николай Николаевичъ Раевскій родился 1771 года, 14-го Сентября, въ Санктпетербургѣ, во время Московской чумы. Мать его, Екатерина Николаевна Раевская, оставшаяся беременною послѣ преждевременной кончины своего супруга, въ слезахъ и мученіяхъ дала жизнь младенцу, осиротѣвшему прежде рожденія. Сіи горестныя обстоятельства имѣли вредное вліяніе на его молодость. Силы юноши развивались медленно, и здоровье его долго было предметомъ

(*) По праву, данному мнѣ Сочинителемъ сей Некрологіи, я, для полноты сего отрывка, помѣщаю оную въ началѣ моихъ замѣчаній. Д. Д.

опасенія для всѣхъ его родныхъ. Не менѣе того, на 15-мъ году его возраста, мы слѣдуемъ уже за первыми его шагами на полѣ опасностей и чести. Едва произведенный въ Гвардіи Офицеры, онъ оставляетъ всѣ забавы, забываетъ слабость своего сложенія и является въ дѣйствующей Арміи. Дѣдъ его, Генералъ-Фельдмаршалъ Князь Потемкинъ, замѣтя во внукѣ своемъ необыкновенныя способности, поручаетъ семнадцати-лѣтнему юношѣ Гетманскій легко-конный полкъ Золотой булавы, и даетъ ему своеручное наставленіе. Подъ руководствомъ сего славнаго наставника, онъ переходитъ всѣ роды службы; кочуетъ въ степяхъ съ казаками; стережетъ Армію на аванпостахъ; слѣдуетъ за осадою въ траншеяхъ Очакова, и вездѣ пріобрѣтаетъ уваженіе подчиненныхъ и одобреніе Начальниковъ. По заключеніи мира съ Турками, Раевскій, произведенный въ Полковники, является въ Польской Арміи. Здѣсь первыя его истинныя отличія награждаются Георгіевскимъ и Владимірскимъ крестами. Изъ Польши онъ посланъ на Кавказъ и назначенъ Начальникомъ Нижегородскаго драгунскаго полка. Подъ начальствомъ Раевскаго началась на востокѣ слава сего полка, которая потомъ утвердилась столь блистательно подъ командою сына его, въ послѣднихъ войнахъ противъ Персіи и Турціи.

Симъ оканчивается первая часть службы Николая Николаевича Раевскаго. Оклеветанный предъ Государемъ Императоромъ Павломъ Петровичемъ, онъ былъ выключенъ; но вскорѣ оправдавшись, получилъ отставку. При вступленіи на престолъ бла-

женной памяти Императора Александра, онъ снова былъ принятъ въ службу Генералъ-Маіоромъ; но частныя обстоятельства и неотступныя просьбы матери рѣшили его идти въ чистую отставку и посвятить жизнь свою семейственнымъ занятіямъ.

Немного Николай Николаевичъ Раевскій наслаждался спокойствіемъ. Настало время борьбы Россіи съ Наполеономъ, время испытанія для храбрыхъ нашихъ воиновъ, гдѣ суждено имъ было надолго отъ Судьбы не пожинать лавровъ побѣды, но пріобрѣтать одну только честь мужественнаго сопротивленія.

Въ концѣ 1806 года Раевскій раздѣлялъ уже въ Старой Пруссіи труды и опасности своихъ товарищей. Мѣсто ему назначено было въ авангардѣ, подъ начальствомъ Князя Багратіона, и тутъ началась между сими двумя Полководцами тѣсная дружба, основанная на взаимномъ уваженіи, и продолжавшаяся во все время ихъ жизни. Ломиттенъ (*Lomitten*), Гутштатъ (*Gutstadt*), Гейльсбергъ (*Heilsberg*) видѣли Раевскаго, командующаго всею пѣхотою авангарда и удерживающаго стремленіе сильнаго и искуснаго врага. Въ теченіе семи дней, сражаясь безъ отдыха, безъ продовольствія, безъ подкрѣпленія, самъ раненный въ ногу и необращающій вниманія на свою рану, онъ мужествомъ своимъ, твердостью и рѣшительностью удивилъ и Русскую и непріятельскую Армію. Въ Фридландѣ, онъ первый вошелъ въ бой и послѣдній изъ него вышелъ. Въ сіе гибельное сраженіе онъ нѣсколько разъ велъ самъ

на штыки ввѣренныя ему войска, и не прежде отступилъ, какъ тогда только, когда не оставалось уже ни малѣйшей надежды на успѣхъ. Тильзитскій миръ положилъ временную преграду порывамъ его усердія и мужества.

Вскорѣ война загорѣлась на Сѣверѣ и на Югѣ. На берегахъ Балтійскаго моря и за Дунаемъ Раевскій употребленъ попеременно, и вездѣ подвиги его болѣе и болѣе привлекаютъ къ нему довѣренность Монарха и согражданъ. Произведенный въ Генералъ-Лейтенанты, покрытый знаками отличія, онъ пріобрѣлъ уже почести и общее уваженіе. Въ 1812-мъ году ему предоставлено было достигнуть до славы и заслужить благодарность Отечества. Въ сей роковой годъ, защита Россіи не была бы вполнѣ устроена, ежели бы Раевскій не сталъ въ числѣ ея защитниковъ.

При началѣ кампаніи, Николай Николаевичъ Раевскій былъ назначенъ Командиромъ 7-го пѣхотнаго корпуса, вступившаго въ составъ 2-й Западной Арміи, подъ главнымъ начальствомъ Князя Багратіона. Раздѣленіе нашихъ силъ и быстрое вторженіе Наполеона въ предѣлы Россіи, пресѣкаютъ всякое сообщеніе между двумя Арміями. Напрасно Князь Багратіонъ стремится усиленными переходами предупредить непріятеля на Днѣпрѣ. Пользуясь выгодами внутренней линіи, Наполеонъ занимаетъ Оршу 60-тью тысячами и угрожаетъ Смоленску. Почти вся надежда на соединеніе Армій исчезла. Въ семъ отчаянномъ положеніи, Раевскій съ слабымъ своимъ корпусомъ беретъ

на себя обязанность сразиться съ Давустомъ и остановить его движеніе. Перейдя изъ оборонительнаго состоянія въ наступательное, онъ атакуетъ съ тыла непріятеля подъ Дашковкою. Замѣняя число быстротою движеній и стремленіемъ натисковъ своихъ, онъ принуждаетъ Давуста сосредоточить всѣ свои силы и поставить въ боевой порядокъ до послѣдняго своего резерва. Цѣлый день атака слѣдуетъ за атакою, и бой кровавый продолжается съ перемѣнными успѣхами. Между тѣмъ 2-я Армія поспѣшно переправляется чрезъ Днѣпръ въ Старомъ Быховѣ, и скорымъ движеніемъ къ Сѣверу занимаетъ Смоленскую дорогу. — Тогда только Раевскій начинаетъ отступательное свое движеніе, а утомленный Давустъ, увѣренный, что отразилъ нападеніе цѣлой Арміи Князя Багратіона, не смѣетъ его преслѣдовать.

Но сего еще недовольно. Въ семъ 1812-мъ году Раевскому предназначено было не только обезпечить соединеніе двухъ Армій, но еще спасти соединенную уже Армію отъ явной погибели. Послѣ короткаго отдохновенія подъ стѣнами Смоленска, Россійская Армія предприняла движеніе впередъ, по направленію къ Инкову и Винценговкѣ. Намѣреніе наше было, уничтоживъ корпусъ Нея, разрѣзать Армію Наполеона и стать между Оршею и Витебскомъ. Мысль была отважная, но исполненіе слабое.

При первомъ извѣстіи о движеніи нашемъ, Наполеонъ быстро сосредоточиваетъ свои войска на правомъ своемъ флангѣ, переправляется чрезъ

Днѣпръ и стремится всею массою силъ своихъ на Смоленскъ. Уже слабая дивизія Невѣровскаго, послѣ славной защиты, приведена въ смятеніе. Уже со стѣнъ Смоленска видны были огни Французскихъ биваковъ, когда первый рапортъ Невѣровскаго пришелъ въ главную нашу квартиру, расположенную за 40 верстъ по Винцентовской дорогѣ. Тогдато приказано было Раевскому подкрѣпить Невѣровскаго; но съ перваго взгляда Раевскій понялъ, что не одинъ Невѣровскій, а вся Армія находится въ опасности. Ночью, на бѣгу, внушая каждому изъ своихъ подчиненныхъ предугаданную имъ важность порученія, онъ достигаетъ береговъ Днѣпра. Переправа чрезъ рѣку, взятая на личную его отвѣтственность, занятіе на разсвѣтѣ Смоленска и обширныхъ его предмѣстій, противъ непріятеля, въ десять разъ его сильнѣйшаго, доказываютъ, что онъ рѣшился здѣсь умереть, или оградить наши сообщенія. Сраженіе загорается; каждый оврагъ, каждая тѣснина, каждый домъ нѣсколько разъ занятъ и отбитъ. Атака непріятеля началась у предмѣстій, въ 6-ть часовъ поутру; тамъ же и кончилась въ 9-ть часовъ вечера. На всѣхъ пунктахъ мы сохранили свою позицію; и когда послѣдняя пушка огласила поле сраженія, то противуположные берега Днѣпра были уже покрыты нашими войсками и Армія была спасена. Сіе сраженіе, столь упорное, столь важное по своимъ послѣдствіямъ, въ которомъ горсть храбрыхъ, подъ начальствомъ Героя, уничтожила рѣшительное покушеніе цѣлой арміи Наполеона, мало извѣстно.

Слѣдуя за движеніемъ арміи послѣ трехдневныхъ

битвъ Смоленскихъ, мы находимъ Раевскаго на поляхъ Бородинскихъ, защищающаго центральный редутъ, сохранившій имя редута Раевскаго въ военной Исторіи. Корпусъ его получилъ наканунѣ 4,000 рекрутъ, и сіи рекруты сражаются съ старыми солдатами Нея. Всѣ силы Наполеона устремлены на сей пунктъ. Нѣсколько разъ редутъ переходитъ изъ рукъ въ руки; и не прежде остается за непріятелемъ, какъ тогда только, когда двѣ трети защитниковъ и нападающихъ положили тутъ свою жизнь. Пунктъ сей столь важенъ въ глазахъ Наполеона, отпоръ Русскихъ столь утомителенъ для непріятеля, что по рѣшительномъ занятіи онаго, сраженіе кончается и огонь начинаетъ утихать по всей линіи.

Въ Маломъ-Ярославцѣ Раевскій первый поспѣваетъ на помощь 6-го корпуса и останавливаетъ стремленіе Французовъ. Едва онъ показался, и городъ опять въ нашихъ рукахъ. Подъ Краснымъ, Раевскій, встрѣтившись опять съ Маршаломъ Неемъ, выдерживаетъ на правомъ флангѣ нашего авангарда послѣднее отчаянное его нападеніе, и беретъ въ плѣнъ остатки сего непріятельскаго корпуса, которому, какъ будто, предназначено было отъ Судьбы, въ теченіе сей кампаніи, бороться съ корпусомъ Раевскаго до совершеннаго своего истребленія.

Во всѣхъ сихъ сраженіяхъ, Раевскій имѣлъ подъ своею командою двухъ сотрудниковъ, достойныхъ таковаго Начальника: Генералъ-Маіоровъ: Ларіона Васильевича Васильчикова (что нынѣ Генералъ отъ Кавалеріи)

и Ивана Өедоровича Паскевича (что нынѣ Генералъ-Фельдмаршалъ). Донесеніе его Начальству, частная переписка и самые разговоры его доказываютъ, какъ онъ умѣлъ цѣнить достоинство и усердіе въ своихъ подчиненныхъ, и какъ онъ предсказывалъ блестящую участь сихъ Генераловъ на полѣ чести и славы, въ особенности Графа Паскевича-Эриванскаго, съ коимъ до послѣдней минуты своей жизни остался онъ въ тѣсныхъ связяхъ дружбы.

Понесенные труды Николаемъ Николаевичемъ Раевскимъ въ сей 1812 годъ, не остались безъ вреднаго послѣдствія для его здоровья. Ужасная нервическая горячка довела его до преддверій гроба; а слабость послѣ тяжкой болѣзни такъ была продолжительна, что онъ не прежде могъ возвратиться въ Армію, какъ за нѣсколько дней до Бауценскаго сраженія.

Въ 1813 году, поручено было Раевскому начальство надъ гренадерскимъ корпусомъ. Въ Кёнигсвартѣ (*Königswartha*) онъ поддерживалъ атаку Барклая-де-Толли и способствовалъ соединенію его съ Арміею. Въ Бауценѣ, онъ былъ на лѣвомъ нашемъ флангѣ, и прикрывалъ отступленіе всей артиллеріи и всей Арміи. Тутъ онъ временно командовалъ аріергардомъ и отражалъ нѣсколько разъ покушенія непріятеля.

Послѣ перемирія, мы видимъ его, занимающаго подъ Дрезденомъ Тиргартенъ (*Thiergarten*) и выдерживающаго жестокое сраженіе. Подъ Кульмомъ (*Kulm*) онъ приходитъ на помощь гвардейскому корпусу, и его появленіе останавливаетъ непріятеля. На

другой день онъ атакуетъ Вандама, и присутствіе его не мало способствуетъ къ успѣшному окончанію сего блистательнаго дѣла. Подъ Лейпцигомъ (*Leipzig*), онъ съ своими гренадерами занимаетъ часть центра нашей линіи. Въ семъ ужасномъ сраженіи было одно роковое мгновеніе, въ которомъ судьба Европы и всего міра зависѣла отъ твердости одного человѣка. Наполеонъ, собравъ всю свою кавалерію, подъ прикрытіемъ ужасной батареи, устремилъ ее на нашъ центръ. Часть онаго поколебалась и временно уступила отчаянному нападенію; но корпусъ гренадеръ, подъ командою Раевскаго, свернувшись въ кареи, стоялъ непоколебимо и, окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, вездѣ отражалъ его усилія. Сія твердость дала нашимъ время выстроиться и вскорѣ опрокинуть Французскую кавалерію, которая принуждена была ретироваться подъ огнемъ непоколебимыхъ гренадеръ, разстроилась и обратилась въ бѣгство. Въ сію рѣшительную минуту Раевскій, тяжело раненный картечью въ правое плечо, пошатнулся на лошади. Поэтъ Батюшковъ, служившій при немъ Адъютантомъ, замѣтилъ сіе несчастіе и подскакалъ къ нему на помощь. Раевскій положилъ на рану лѣвую руку и, показывая ее обагренную кровью, сказалъ съ улыбкою сіи два извѣстные стиха:

« Je n'ai plus rien du sang qui m'a donné la vie;
« Ce sang s'est épuisé, versé pour la patrie...

Онъ остался на лошади и командовалъ корпусомъ до окончанія сраженія, хотя рана была жестокая и

кость раздроблена. За сей подвигъ онъ произведенъ въ Генералы отъ Кавалеріи.

Едва рана его закрылась и здоровье начало оправляться, Раевскій спѣшитъ въ Армію и находитъ ее въ Фрейбургѣ (*Freiburg*) близъ Рейна. Переправившись чрезъ Рейнъ, онъ былъ болѣе свидѣтелемъ, чѣмъ участникомъ въ сраженіи подъ Бріенной (*Brienne*) и въ другихъ частныхъ битвахъ въ Баръ-Сюръ-Объ (*Bar-sur-Aube*), гдѣ онъ призванъ къ командованію Арміею раненнаго Графа Витгенштейна. Тогда началось наше рѣшительное движеніе на Парижъ. Встрѣтившись подъ Арсисомъ (*Arsis*) съ арміею Бонапарте, послѣ кровопролитной битвы, Раевскій входитъ въ городъ на пятахъ непріятеля и преслѣдуетъ его на Витри (*Vitry*). Потомъ, перемѣнивъ свой фронтъ, онъ атакуетъ у Феръ-Шампенуаза (*Fere-Champenoise*) корпуса Мармона и Мортье, заставляетъ ихъ поспѣшно отступить и, послѣ нѣсколькихъ переходовъ, является первый въ виду гордой столицы Франціи. На другой день начался послѣдній кровавый бой, рѣшившій участь Наполеона. Раевскій ведетъ атаку на Роменвиль (*Romainville*) и Бельвю (*Bellevue*). Не взирая на упорную защиту, онъ мало по малу вытѣсняетъ Французовъ изъ всѣхъ ихъ передовыхъ позицій. Въ сей неравной борьбѣ, гдѣ на каждомъ шагу непріятель находилъ прикрытіе и сражался, отступая изъ-за садовыхъ оградъ, или казенныхъ домовъ, потеря наша была довольно значительна; но когда сіи препятствія уничтожены и Прусская Гвардія начала выходить изъ селенія Пантенъ (*Pantin*), Раевскій увидѣлъ, что настало

рѣшительное мгновеніе. Онъ соединяетъ свои резервы, быстрымъ натискомъ отбиваетъ 19-ть батарейныхъ орудій и занимаетъ высоты, повелѣвающія всѣми входами въ Парижъ. Сія атака рѣшила дѣло: непріятель прибѣгаетъ къ переговорамъ и проситъ пощады. (1)

Таковы были подвиги Раевскаго въ сію знаменитую войну, неимѣющую себѣ подобной въ лѣтописяхъ міра, въ которой участвовали Арміи всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, коей поприще простиралось отъ Кадикса (*Cadix*) до Москвы и занимало всю Европу. Судьба опредѣлила Раевскому въ Дашковкѣ и въ Парижѣ нанести Наполеону первый и послѣдній ударъ, и заслужить отъ благодарнаго потомства надгробную надпись, которая ни къ какому другому имени, кромѣ его, примѣнена быть не можетъ:

Онъ былъ въ Смоленскѣ щитъ,
Въ Парижѣ мечъ Россіи.

---

(1) Многіе Военные Писатели утверждаютъ, что участь Парижа рѣшена была взятіемъ высотъ Монмартра (*Monmartre*) на правомъ нашемъ флангѣ. Сіе мнѣніе совершенно несправедливо. Переговоры у Пантенской заставы (*barrière de Pantin*) были уже въ полномъ дѣйствіи и приказанія остановить огонь на всѣхъ пунктахъ всюду разосланы, когда атака на Монмартръ совершилась. Наши парламентеры слышали Русское ура! при атакѣ Монмартра изъ самаго Парижа, и Французскіе Генералы жаловались тогда же на несоблюденіе даннаго нами слова. Къ счастію не трудно было имъ доказать, что сіе случилось не отъ чего другаго, какъ отъ того только, что приказаніе остановить военныя дѣйствія, посланное съ высотъ Роменвиля, не успѣло дойти до высотъ Монмартрскихъ. — И

Николай Николаевичъ Раевскій соединялъ въ себѣ способности государственнаго мужа, таланты Полководца и всѣ добродѣтели частнаго человѣка. Милости покойнаго Государя Александра I глубоко были впечатлѣны въ его душѣ, и онъ не называлъ Его иначе, какъ своимъ Благодѣтелемъ. Вѣрный другъ, нѣжный отецъ, истинный сынъ Отечества и Православной нашей церкви, онъ сохранилъ до послѣдняго своего дыханія отличительную черту своего сердца — способность любить, и умирающею рукою успѣлъ еще благословить неутѣшное свое семейство. Онъ скончался на 59 году своей жизни, не оставивъ на семъ свѣтѣ ни одного человѣка, который бы имѣлъ право возстать противъ его памяти. Похвала великая для каждаго, но еще большая для людей, облеченныхъ силою и властью.

Раевскій принадлежитъ семейству храбрыхъ. Отецъ его, Полковникъ Николай Семеновичъ Раевскій, лично извѣстный Государынѣ Екатеринѣ II, умеръ отъ ранъ въ Яссахъ на 30-мъ году своей жизни. Братъ его, Подполковникъ Александръ Николаевичъ Раевскій, убитый на стѣнахъ Измаила, заслужилъ отъ самаго Суворова имя храбраго. Самъ онъ безъ покровительства, безъ связей, одною службою своею достигъ до чина Генерала отъ Кавалеріи и получилъ на полѣ сраженія слѣдующіе ордена: Св. Александра Невскаго съ знаками, украшенными алмазами, Св. Владиміра большаго кре-

---

такъ, не въ Монмартрѣ, но въ Роменвилѣ гордый Парижъ былъ покоренъ.

ста І-й степени, Св. Анны І-й степени, Св. Великомученика и побѣдоносца Георгія 2-го класса, Прусскаго Краснаго Орла 1-го класса и Австрійскаго Маріи Терезіи 4-го класса. При восшествіи на Престолъ Государя Императора НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, Раевскій получилъ послѣднюю Царскую милость, и былъ сдѣланъ Членомъ Государственнаго Совѣта.

ЗАМѢЧАНІЯ

НА НЕКРОЛОГІЮ Н. Н. РАЕВСКАГО, СЪ ПРИБАВЛЕНІЕМЪ ЕГО СОБСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ НА НѢКОТОРЫЯ СОБЫТІЯ ВОЙНЫ 1812 ГОДА, ВЪ КОИХЪ ОНЪ УЧАСТВОВАЛЪ.

Неизвѣстный (*) Сочинитель Некрологіи Н. Н. Раевскаго обозрѣлъ жизнь сего знаменитаго мужа въ одномъ военномъ отношеніи, коснувшись слегка и какъ-бы мимоходомъ до его гражданскихъ и частныхъ добродѣтелей.

Отдавая должную справедливость прекраснѣйшему произведенію сему, мнѣ кажется, что оно не совсѣмъ удовлетворяетъ читателей, вникнувшихъ во всю красоту характера Раевскаго, представленнаго намъ только на конѣ, въ дыму битвъ и съ гласомъ повелительнымъ. Я ищу благочестивой души его, хранилища всего возвышеннаго, отголосокъ всему благородному; я ищу вѣрнаго друга, тайнаго благотворителя сира и нища, мужа твердаго въ бѣдствіяхъ жизни, равнодушнаго къ почестямъ и высокому сану, имъ заслуженнымъ, и довольствующагося единымъ миромъ своей совѣсти — словомъ, я

(*) Сіи замѣчанія писаны были въ то время, когда имя Автора Некрологіи мнѣ было неизвѣстно. Д. Давыдовъ.

ищу человѣка, и вижу въ Некрологіи одного храбраго, искуснаго Генерала.

Не упрекаю въ томъ Сочинителя. Какъ военный, онъ, можетъ быть, желалъ отдать справедливость Полководцу, предоставляя другимъ описаніе его частной жизни. Но мы однимъ симъ профилемъ не можемъ довольствоваться; мы желали-бы имѣть некрологію Раевскаго не одностороннюю, но полную, хотя бы она заключалась и въ тѣсной рамѣ, подобно той, въ коей заключается описаніе его военныхъ дѣяній, ибо Раевскій не однимъ Полководцемъ представляется тѣмъ, кои имѣли счастіе созерцать вблизи его душевныя качества: военная служба его, принесшая столько пользы и славы отечеству, есть, безъ сомнѣнія, блистательнѣйшая, но не превосходнѣйшая изъ пѣсней благозвучной его жизни — жизни, которая именно отличается какою-то особою гармоніею всѣхъ частей, составляющихъ цѣлое

Конечно, вольному воля — но нельзя однако довольно надивиться жалкому обыкновенію почти всѣхъ некрологовъ и біографовъ нашего времени, представляющихъ знаменитыхъ вождей не иначе, какъ, такъ сказать, въ мундирахъ и застегнутыхъ на всѣ крючки и пуговицы.

Неужели военное званіе, впрочемъ столь почтенное и благородное, до того превышаетъ званіе добродѣтельнаго человѣка, что говоря о первомъ, можно пренебречь послѣднимъ? Если-бъ было такъ, то мы невольно руководимы были-бы несправедли-

востію: мы помѣщали-бы въ одинъ и тотъ же разрядъ и на ту же черту и славныхъ воиновъ, опирающихъ воинскія достоинства свои на высокой нравственности, и воиновъ, обладающихъ подобною же славою, но оклейменныхъ въ общемъ мнѣніи или ремесломъ, или пороками, ни воину, ни гражданину неприличными.

Но пусть представятъ полную жизнь каждаго, и тогда каждый станетъ на мѣсто, ему принадлежащее, и тогда тому, коего потерю долго не престанутъ оплакивать всѣ истинные сыны отечества, мало останется соперниковъ въ соединеніи достоинства воина съ достоинствомъ человѣка.

Не подъ силу мнѣ предпринимать дополненіе сіе. Я желалъ-бы только поощрить на это предпріятіе людей, искуснѣе меня перомъ владѣющихъ и по положенію своему болѣе меня постигшихъ изящность чувствъ сего достойнаго мужа. На нихъ лежитъ обязанность изобразить Раевскаго таковымъ, каковъ онъ былъ дѣйствительно, и если изображеніе сіе требуетъ пера военнаго, то еще болѣе, можетъ быть, ожидаетъ оно оцѣнки философической. Раевскій, такъ представленный, принесетъ не менѣе пользы послѣ кончины, какъ и въ теченіе жизни своей: ибо описаніе оной будетъ книгой классической, а не пролетнымъ листомъ, брошеннымъ публикѣ, утомленной уже чтеніемъ некрологій каждаго, прошедшаго сквозь пылъ сраженій, съ качествами ли онъ общественными, или исключительно съ военными дарованіями. Тогда книга сія, изучаемая

юношествомъ, будетъ для нравственности питательнѣе всѣхъ дидактическихъ наставленій и разсужденій моралистовъ, и счастливъ отецъ, который замѣтитъ слезу восторга на глазахъ сына своего при ея чтеніи!

Съ моей стороны, чѣмъ болѣе я вникалъ въ образъ мыслей, въ чувства и дѣянія Раевскаго, тѣмъ болѣе открывалъ въ немъ сочетаніе древнихъ, въ нашемъ вѣкѣ едва ли въ одномъ человѣкѣ сочетающихся добродѣтелей: сильнаго характера съ отмѣнною чувствительностію; ума проницательнаго, точнаго, съ кротостію неподкладною, естественною; снисходительности къ слабостямъ другихъ съ неослабнымъ обузданіемъ своихъ собственныхъ. — «По совершеніи обязанностей начальника, никто не «узнавалъ уже въ немъ человѣка, облеченнаго вла-«стію. Надмѣнность, своенравіе были ему неизвѣс-«тны, и — что весьма рѣдко — люди не уменьшали ни «почтенія къ нему отъ добродушнаго съ ними об-«хожденія, ни любви отъ строгости, впрочемъ «употребляемой имъ за однѣ только важныя пре-«ступленія, никогда за мелочныя. Исчисленіе примѣ-«ровъ безкорыстія и честности столь великаго му-«жа, было-бы оскорбленіе его добродѣтели. Каса-«тельно добраго мнѣнія свѣта на свой счетъ, онъ «даже не имѣлъ слабости, свойственной многимъ «достойнымъ людямъ: онъ не домогался до сего ни «по средству явныхъ, ни по средству тайныхъ «уловокъ и хвастливаго выказанія своихъ доблестей. «Чуждый всякаго рода совмѣстничества съ равны-«ми, онъ былъ чуждъ и личныхъ распрей съ под-

« властными себѣ, полагая безславіемъ, имѣть надъ « ними въ таковыхъ случаяхъ поверхность, и униже« ніемъ, не имѣть оной. Онъ никогда не искалъ при« своивать себѣ заслуги другихъ; онъ былъ добръ « съ добрыми и сухъ съ людьми злокачественными. « Простота въ одеждѣ, скромность въ разговорахъ, « ненависть къ пышности были причиною, что « сволочь народная, которая цѣнитъ мужей вели« кихъ по одному блеску, или шуму, ихъ окружаю« щему, не постигала, что въ немъ столь славна« го; — истолкователей сему было немного.»

Кто не подумаетъ, что статья сія, столь вѣрно изображающая Раевскаго, не есть произведеніе какого-либо современнаго ему писателя, глубоко вникнувшаго въ его качества?... Это отрывокъ Тацита изъ жизни Агриколы!

И подлинно, часто благоговѣя предъ симъ, какъ будто остаткомъ блистательныхъ вѣковъ Рима и Греціи, предъ симъ живымъ явленіемъ одного изъ великихъ мужей временъ, почти уже для насъ баснословныхъ, я готовъ былъ вѣрить переселенію душъ, и видѣть въ Раевскомъ продолженіе или упомянутаго Агриколы, или Эпаминонда, или Сципіона, столь сходныхъ съ нимъ по простотѣ нравовъ и кротости душевной. Такъ мало принадлежалъ онъ нашей эпохѣ, исключительно коснѣющей въ тѣсной расчетливости эгоизма и осмѣхающей сатанинскимъ хохотомъ все то, что выше ея смрадныхъ предѣловъ!

Естественнымъ слѣдствіемъ сего кроткаго и вмѣс-

тѣ съ симъ важнаго характера Раевскаго было равное и одинаковое обхожденіе его съ лицами какъ высшихъ, такъ и нижайшихъ степеней Іерархіи общественной. Онъ былъ всегда тотъ же со старшими и ровными себѣ, въ кругу друзей, знакомыхъ и незнакомыхъ, предъ войсками въ огнѣ битвъ и среди ихъ въ мирное время: всегда спокойный, скромный, привѣтливый, но всегда сильный, чувствующій силу свою и невольно дававшій чувствовать оную мужественною, разительною физіогноміею и взоромъ, выражающимъ присутствіе ея въ самомъ спокойномъ и мирномъ его положеніи.

Но сколь величественнымъ казался онъ намъ, когда послѣ каждой войны (и на каждой изъ нихъ оставя безсмертную печать какого-либо геройскаго подвига, или дѣянія искуснаго полководца), вопреки обыкновенію людей, стяжающихъ плески и хвалы отборныхъ обществъ, онъ оставался при своемъ корпусѣ въ какой-либо удаленной Губерніи Россіи, или терялся въ сельскомъ убѣжищѣ среди семейства своего! Тамъ, съ ежедневнымъ восхожденіемъ солнца, мы видали его въ простой одеждѣ поселянина, копающаго гряды и сажающаго цвѣты, съ безпечностію о хвалѣ, гремящей дѣяніямъ его за предѣлами сего мирнаго пріюта, и наслаждающагося съ восторгами младенца успѣхами невинныхъ трудовъ своихъ. Тамъ занимался онъ мелочными для ума его хозяйственными заведеніями, съ заботливостію вникалъ въ судьбу своихъ подданныхъ и устроивалъ ихъ благосостояніе. Обладая умомъ просвѣщеннымъ, и обладаемый страстію къ испытанію природы во

всѣхъ ея отрасляхъ, онъ излечивалъ страждущихъ тѣлесными недугами. Та рука, которая мановеніемъ своимъ обливала кровію враговъ отечества поля сраженій — та самая рука пользовала и своихъ и чужеземныхъ страдальцевъ, спасенныхъ ею на тѣхъ же поляхъ сраженій. — Но при новомъ вызовѣ на службу отечеству, Раевскій

от сохи опять послушно,

изъ объятій семейства, изъ уединенія, столь имъ любимаго, являлся на знакомые ему боя съ тѣмъ же спокойствіемъ духа, какъ-бы съ огорода на пашню, или съ пашни за семейственную трапезу, и озаренный славою искуснаго полководца, достигшій высокихъ званій и почестей, обожаемый, благословляемый какъ отецъ, чтимый какъ герой войсками, имъ предводительствованными — возвращался по окончаніи войны въ сельское свое убѣжище, къ своей семьѣ, къ своимъ цвѣтамъ и огородамъ — съ тою же ясною, неомраченною тщеславіемъ душею, съ тою же скромностію и благонравіемъ философа, какъ будто *не онъ, а другой*, слѣдуемый двумя отроками—сынами, впереди колоннъ своихъ ударилъ въ штыки по Салтановской плотинѣ (*) сквозь смертоносный огонь непріятеля; или—спасъ подъ Смоленскомъ обѣ наши арміи побѣдительнымъ отпоромъ, горстію храбрыхъ, всѣхъ силъ Наполеона; или удерживалъ, до истребленія всего почти свое-

---

(*) Дѣло сіе называется *дѣломъ подъ Дашковкой*; но истинная свалка была на Салтановской плотинѣ.

го корпуса, сопменный ему редутъ на Бородинскомъ полѣ; или—побѣждалъ подъ Кульмомъ; на равнинахъ Лейпцига, орошенныхъ благородною его кровію; побѣждалъ на высотахъ Роменвиля и Бельвиля, отъ взятія которыхъ затрепеталъ Парижъ и покорился.

Наконецъ, пройдя сквозь весь пылъ долголѣтней вражды государствъ и народовъ, пожравшей цѣлыя поколѣнія, сквозь преграды, ковы и гоненія, воздвигаемыя явною и тайною злобою всякому человѣку чистой совѣсти, всякому рабу чести, всякому ревностному сыну отечества, и побѣдя всѣ противъ себя усилія людей —Раевскому не доставало еще одного рода славы: боренія съ самой судьбою. Провидѣніе, испытующее высокіе характеры для поученія человѣчества, готовило намъ сіе зрѣлище, тягостное, но великое, торжественное! Неожиданная гроза разразилась на главѣ, уже сѣдѣвшей, но еще неостылой отъ вдохновеній воинственныхъ, еще курившейся дымомъ сраженій.... Раевскій пораженъ былъ во всемъ миломъ, во всемъ драгоцѣнномъ для его сердца, созданнаго любить безъ мѣры все то, что оно единожды полюбило. Мы видали мужей, твердыхъ въ опасностяхъ, мы видали самаго Раевскаго въ гибельныхъ обстоятельствахъ; никогда, нигдѣ, ни отъ чего не измѣнилъ онъ мнѣнію, о немъ заключенному очевидцами—но тутъ онъ превзошелъ ожиданіе наше, воображеніе наше; онъ превзошелъ самаго себя! Новый Лаокоонъ, обвитый, тѣснимый изгибами жаднаго злополучія, онъ не докучалъ Небу воплями, не унижалъ себя моленіемъ

сострадания ближняго. Ни единаго ропота, ни единаго злобнаго слова не вырвалось изъ устъ его; ни единымъ вздохомъ, ни единымъ стенаніемъ не порадовалъ онъ честолюбивую посредственность, всегда готовую наслаждаться страданіемъ человѣка по мѣрѣ его достоинства. Испытаніе ужасное! Нѣсколько лѣтъ продолжалось оно неослабно, и примѣчаемо было только по обрушавшемуся его здоровью, по измѣнявшемуся его взору и физіогноміи, омраченныхъ уже глубокою тоскою, неотразимою горестію. Съ тѣмъ же безмолвіемъ о своихъ страданіяхъ душевныхъ, тогда сопряженныхъ уже съ тѣлесными — полуразрушенный, но въ чистой памяти, онъ хладѣвшею рукою успѣлъ благословить семейство свое — увы! неполное — и скончался, какъ справедливо говоритъ Некрологъ его, не оставя ни единаго человѣка, который имѣлъ-бы право возстать противъ его памяти.

Вотъ легкій очеркъ Раевскаго, какъ человѣка, какъ гражданина; о чемъ ни слова не упомянуто въ его Некрологіи, тогда какъ въ оной же мы видимъ нѣкоторыя погрѣшности, требующія опроверженія:

На 1й страницѣ сказано, что Раевскій былъ внукомъ Князя Потемкина; а на послѣдней, что онъ же безъ покровительства, безъ связей достигъ чина Генерала отъ Кавалеріи.

Къ первому надлежало-бы прибавить: двоюроднымъ внукомъ, что было-бы основательнѣе; а пос-

лѣднее невѣроятно, если мы допустимъ первое: ибо могло ли начало службы Раевскаго избѣгнуть сильной подпоры въ родствѣ его съ Княземъ Потемкинымъ, тогда знаменитѣйшимъ и всемогущимъ вельможею въ Россіи? Если-бы сей подпоры не было, то неужели Раевскій, едва достигшій до двадцатаго года своей жизни, могъ имѣть въ командѣ конный полкъ булавы Великаго Гетмана (ошибочно названный въ Некрологіи: Гетманскимъ легко-коннымъ полкомъ Золотой булавы) въ такое время, когда полки ввѣрялись однимъ только весьма заслуженнымъ Полковникамъ? Я полагаю, справедливѣе было-бы сказать такъ: Раевскій, отъ чина Полковника безъ покровительства, безъ связей достигъ чина Генерала отъ Кавалеріи.

На 2й страницѣ находимъ: Раевскій слѣдуетъ за осадою въ траншеяхъ Очакова. . .

Раевскій прибылъ къ арміи не подъ Очаковымъ, а подъ Бендерами, на другой годъ послѣ взятія Очакова. Подъ Бендерами только онъ услышалъ первую пулю, и тамъ же, замѣченный Княземъ Потемкинымъ, былъ прикомандированъ имъ къ казачьимъ полкамъ, для изученія аванпостной и партизанской службы, съ повелѣніемъ Донскаго войска Бригадиру Орлову, употреблять его на службу въ началѣ рядовымъ казакомъ, а потомъ по чину Поручика Гвардіи, изъ коего онъ, при концѣ сей войны, выпущенъ былъ въ армію Подполковникомъ.—Такъ по крайней мѣрѣ неоднократно разсказывалъ мнѣ о томъ самъ Раевскій.

На 3й страницѣ Некрологъ Раевскаго говоритъ о дѣйствіи его подъ Ломиттеномъ (въ кампаніи 1807 года); но подъ Ломиттеномъ сражался Генералъ Докгуровъ, а не Князь Багратіонъ, начальствовавшій тогда авангардомъ арміи, въ коемъ Раевскій командовалъ 5мъ, 20мъ и 25мъ егерскими полками, а на другой день усиленъ былъ 26мъ полкомъ. Авангардъ Багратіона атаковалъ Альткирхъ, деревню въ двухъ или трехъ верстахъ отъ Гуттштата, въ одинъ день и въ одинъ почти часъ съ атакою Ломиттена Докгуровымъ; слѣдственно Раевскому нельзя было быть въ одно время и въ томъ и въ другомъ мѣстѣ, разстоящими одно отъ другаго болѣе двадцати верстъ и къ тому же имѣвъ опредѣлительную команду.

О Дашковскомъ дѣлѣ сказано: » въ семъ отчаянномъ положеніи (второй арміи), Раевскій *беретъ на себя обязанность сразиться съ Давустомъ и остановить его движеніе*. Цѣлый день атака слѣдуетъ за атакою, и бой продолжается съ перемѣною успѣха. Между тѣмъ вторая армія переправляется чрезъ Днѣпръ въ Старомъ Быховѣ, и скорымъ движеніемъ къ сѣверу занимаетъ Смоленскую дорогу. Тогда только Раевскій начинаетъ отступательное свое движеніе, » и проч.

Сіе требуетъ нѣсколькихъ возраженій. Во первыхъ: кто зналъ Князя Багратіона, тотъ извѣстенъ, что подъ начальствомъ его никто не осмѣливался брать на себя какое-либо предпріятіе и какую-либо обязанность: Князь приказывалъ, под-

командующіе исполняли его приказаніе; такъ дѣла шли во всѣхъ частяхъ, ему ввѣряемыхъ, отъ егерской роты до арміи. Впрочемъ, если-бы Раевскій, пользуясь тѣснѣйшею дружбою съ Багратіономъ, и предложилъ ему *сразиться* съ Давустомъ, то безъ сомнѣнія онъ не предлагалъ ему *остановить* его движенія; такое предложеніе было-бы не что иное, какъ самохвальство, сродное молодости и легкомыслію, но чуждое важнаго и основательнаго характера Раевскаго, убѣжденнаго, какъ опытный воинъ, въ своенравіи случайности во всякомъ военномъ предпріятіи. Подпору опроверженію моему мы ниже увидимъ въ собственныхъ его запискахъ. Вовторыхъ: Раевскій не тогда отступилъ, когда вся уже вторая армія переправилась чрезъ Днѣпръ въ Старомъ Быховѣ. Дашковское дѣло началось поутру 11го Іюля и продолжалось до вечера; а 12го, въ восемь часовъ утра, Раевскій, получа повелѣніе слѣдовать за арміею, направлявшеюся къ Старому Быхову для переправы чрезъ Днѣпръ, немедленно выступилъ туда съ своимъ корпусомъ, оставя дивизію соединенныхъ гренадеръ, командуемую тогда Графомъ Воронцовымъ, для прикрытія своего движенія. Сія дивизія не была атакована непріятелемъ цѣлый день, и ночью спокойно отошла за корпусомъ Раевскаго. Таковое воздержаніе Давуста отъ преслѣдованія Раевскаго и Воронцова многихъ изъ насъ тревожило. Мы полагали, что Давустъ проникъ превосходную мысль Багратіона, и что онъ для прегражденія нашему ходу чрезъ Мстиславль къ Смоленску, оставя въ покоѣ и Раевскаго и Воронцова, двинулся чрезъ Днѣпръ къ первому изъ сихъ городовъ. Къ

счастію, опасеніе наше было напрасно. Давустъ, по усилію и жестокости атаки Раевскаго, принявъ оную за намѣреніе Багратіона пробиться къ Могилеву правымъ берегомъ Днѣпра, стянулъ вокругъ сего города всѣ свои силы въ тщетномъ ожиданіи второй атаки по тому же направленію, и тогда только увѣрился, что онъ обманутъ, когда вся наша армія была уже около Мстиславля, и когда соединеніе обѣихъ армій подъ Смоленскимъ не подлежало уже ни малѣйшему сомнѣнію.

На 5й страницѣ упомянуто объ отступленіи изъ Краснаго Невѣровскаго, и отступленіе сіе названо только *славнымъ*. Я могу ошибаться; но съ тѣхъ поръ, какъ сіе прилагательное отъ частаго употребленія сочинителями въ описаніяхъ мелочныхъ перестрѣлокъ въ мелочныхъ войнахъ весьма обезславилось, я полагаю, что можно было-бы пріискать выраженіе приличнѣе отступленію едва только составленной изъ рекрутъ дивизіи, отбивавшейся на разстояніи сорока верстъ отъ главныхъ силъ Наполеона, и прибывшей къ стѣнамъ Смоленска хотя съ урономъ, но не въ смѣшеніи, какъ говоритъ Некрологъ, а въ устройствѣ и непобѣдимою. Я помню, какими глазами мы увидѣли Невѣровскаго и дивизію его, подходившую къ намъ въ облакахъ пыли и дыма, покрытую потомъ трудовъ и кровью чести! Каждый штыкъ ея горѣлъ лучемъ безсмертія! Такъ нѣкогда глядѣли мы на Багратіона, возвращавшагося къ намъ изъ-подъ Голлабрюна въ 1805мъ году.

По истинѣ, слѣдующій день озарилъ бой, столь-

ко же знаменитый по великодушію, сколько превышающій бой Невѣровскаго по искусству въ распоряженіяхъ и по вліянію, которое оный имѣлъ на судьбу отечества: ибо гибель послѣдняго уменьшила-бы арміи наши нѣсколькими тысячами воиновъ — и только; — тогда, какъ гибель Раевскаго причинила-бы взятіе Смоленска и немедленно послѣ сего истребленіе нашихъ армій, поспѣшавшихъ отъ Рудни и долженствовавшихъ быть атакованными съ тылу превосходными силами, предводимыми самимъ Наполеономъ — но обстоятельство сіе ни мало не унижаетъ геройскаго подвига Невѣровскаго. По тѣсной смежности съ Смоленскимъ боемъ Раевскаго, онъ представляется намъ какъ краснорѣчивое предисловіе сего великаго дня, безъ коего не было-бы ни Бородинскаго сраженія, ни Тарутинской позиціи, ни спасенія Россіи.

На 8й страницѣ сказано: » подъ Лейпцигомъ онъ своими гренадерами занимаетъ часть центра нашей линіи. Въ семъ ужасномъ сраженіи было одно роковое мгновеніе, въ которомъ судьба Европы и всего міра зависѣла отъ твердости одного человѣка: Наполеонъ, собравъ всю свою кавалерію, подъ прикрытіемъ сильной батареи устремилъ ее на нашъ центръ. Часть онаго поколебалась и временно уступила отчаянному нападенію. Но корпусъ гренадеръ подъ командою Раевскаго, свернувшись въ кареи, стоялъ непоколебимо, и окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, вездѣ отражалъ его усилія. Сія твердость дала нашимъ время выстроиться и вскорѣ опрокинуть Французскую кавалерію, которая принужде-

на была ретироваться подъ огнемъ непоколебимыхъ гренадеръ, разстроилась и обратилась въ бѣгство. Въ сію рѣшительную минуту Раевскій, тяжело раненый картечью въ правое плечо, и проч..... Поэтъ Батюшковъ, служившій при немъ Адьютантомъ, замѣтя сіе происшествіе, прискакалъ къ нему на помощь, и проч.

Возражаю: 1.е Во время атаки Французской кавалеріи, Раевскій не имѣлъ при себѣ всего гренадерскаго корпуса, а только одну дивизію онаго, ибо другая дивизія была отдѣлена вправо, внѣ вида и выстрѣла.

2.е Слово: *окруженный со всѣхъ сторонъ*, не выражаетъ положенія, въ коемъ тогда Раевскій находился. Можно сказать, что онъ поглощенъ былъ приливомъ большей части Французской конницы, нахлынувшей на средину союзныхъ армій, и отражая усилія оной, не уступилъ ни пяди земли, пока громады сіи, обращенныя вспять резервами нашими, позволили всей нашей линіи возвратиться на оставленное ею мѣсто и примкнуть къ кареямъ Раевскаго, какъ къ гранитнымъ редутамъ.

Въ семъ случаѣ Раевскій былъ раненъ не картечью, а ружейною пулею отъ Французскаго стрѣлка изъ числа тѣхъ, кои разсыпаны были отъ пѣхотныхъ непріятельскихъ колоннъ, подвигавшихся на подпору конницы своей, пустившейся въ атаку. Пуля попала не въ плечо, а въ верхнюю часть груди, ниже ключицы, между правымъ плечомъ и шеи.

3° Поэтъ Батюшковъ не подскакалъ къ нему на помощь, ибо онъ и Гвардіи Егерскаго полка Поручикъ Левъ Давыдовъ стояли почти рядомъ съ Раевскимъ. Они даже видѣли тотъ мигъ, въ который Французскій стрѣлокъ, находившійся весьма близко, прицѣлился въ нихъ, выстрѣлилъ и попалъ въ Раевскаго. Тогда Раевскій полагая, что онъ получилъ только контузію, продѣлъ руку подъ сертукъ свой, ощупалъ мѣсто удара, и вынувъ ее окровавленную, сказалъ съ улыбкою Батюшкову тотъ Французской стихъ, о коемъ упоминаетъ Некрологъ его; и наконецъ 4.е Оба, какъ Батюшковъ, такъ и Давыдовъ, носили званіе Адъютантовъ, но не Раевскаго, а Генерала Бахметева, лишившагося ноги подъ Бородинымъ, и служили въ сей должности при Раевскомъ по собственному ихъ желанію, по рекомендаціи ихъ Бахметевымъ избранному ими начальнику, и по особой къ нимъ благосклонности сего послѣдняго.

Теперь представимъ собственныя записки Раевскаго. Онѣ могутъ служить Историку основой описанія службы его въ великой годъ отечественной войны. Записки сіи были писаны самимъ имъ на Французскомъ языкѣ для Генерала Жомини, намѣревавшагося писать Исторію кампаніи 1812 года и просившаго циркулярами всѣхъ корпусныхъ командировъ и нѣкоторыхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей войскъ, оказавшихся въ сію безсмертную эпоху на горизонтѣ событій, оснабженіи его вѣрнѣйшими описаніями дѣйствія войскъ, ими командуемыхъ.

Въ письмѣ Раевскаго ко мнѣ, приложенномъ къ копіи сихъ записокъ, сказано между прочимъ: » что « отъ необходимости согласить частное дѣй- « ствіе 7го корпуса, коимъ онъ командовалъ, съ об- « щимъ дѣйствіемъ армій, онъ избралъ основаніемъ « своему разсказу исторію кампаніи 1812 года, сочи- « ненную Генераломъ Бутурлинымъ, какъ книгу, дос- « тойную уваженія болѣе всѣхъ извѣстныхъ по сіе « время сочиненій, касающихся до сей незабвенной « эпохи. Я старался—продолжаетъ онъ въ семъ пись- мѣ — « указать на нѣкоторыя погрѣшности, вкрав- « шіяся въ книгу сію отъ недостатка въ матерія- « лахъ, и исправить нѣкоторыя событія, невольно « Авторомъ искаженныя. Между тѣмъ, если я вхожу « и въ нѣкоторыя подробности, лично до меня ка- « сающіяся, то потому только, что по мнѣнію мо- « ему впечатлѣнія, произведенныя надъ начальникомъ « войскъ обстоятельствами, въ коихъ онъ находил- « ся во время дѣйствія, не менѣе любопытны для « Историка, какъ и самое дѣйствіе, съ коимъ они « неразрывно связаны, » и проч.

Приступимъ къ изложенію сихъ записокъ.

Томъ 1.й стран. 190. (*) « Мы оставили Князя Багратіона еще въ Несвижѣ, но уже рѣшившагося продолжать отступленіе свое къ Слуцку. 28го Іюня выступилъ 8й пѣхотный корпусъ; на другой день слѣдовалъ за нимъ Князь Багратіонъ съ остаткомъ своей арміи

(*) Числа, означающія томы и страницы, относятся къ сочиненію Ген. Бутурлина, на Русской языкъ переведенному Генералъ-Маіоромъ Хатовымъ.

и прибылъ къ мѣстечку Тимковичамъ. 30го перешелъ онъ къ мѣстечку Романову, а 1го Іюля прибылъ въ городъ Слуцкъ. Того же дня Вестфальскій Король пришелъ въ Несвижъ; авангардъ его, подъ начальствомъ Латуръ-Мобурга, въ продолженіе трехъ дней слѣдовалъ за Генераломъ Платовымъ, ничего не предпринимая. Наконецъ 2го Іюля Генералъ Латуръ-Мобургъ съ кавалерійскимъ корпусомъ своимъ подвинулся къ мѣстечку Романову, занятому аріергардомъ Генерала Платова.»

Замѣчаніе Раевскаго. Здѣсь слѣдовало-бы упомянуть, что аріергардъ Платова былъ усиленъ 5-мъ егерскимъ полкомъ 26-й пѣхотной дивизіи моего корпуса.

Стран. 191. » Генералъ Раевскій съ 7-мъ корпусомъ и нѣсколькими казачьими и кавалерійскими полками пошелъ впередъ, дабы атаковать непріятеля, если встрѣтитъ его до прихода своего въ Бобруйскъ; а какъ надлежало открывать себѣ путь оружіемъ, то ему и предписано было учинить нападеніе, не смотря на число непріятеля, ни на твердость позиціи, которую онъ занимать могъ,» и проч.

Замѣчаніе Раевскаго. Надо прибавить: исключая 5-го егерскаго полка.

Дѣло подъ Салтановкой, или Дашковкой.

Стран. 194. » Князь Багратіонъ извѣстясь, что Маршалъ Даву шелъ прямо къ Могилеву, рѣшился также слѣдовать къ сему городу, въ надеждѣ предупредить еще въ немъ непріятеля. 7-го Іюля Гене-

ралъ Платовъ съ казаками и съ отрядомъ Генералъ-Маіора Дорохова выступилъ изъ Бобруйска. Того-жъ дня послѣдовали за нимъ кавалерійскій отрядъ Генералъ-Маіора Графа Сиверса и 7-й пѣхотный корпусъ Генералъ-Лейтенанта Раевскаго. На другой день выступилъ 8-й пѣхотный корпусъ, и въ слѣдъ за нимъ аріергардъ, подъ начальствомъ Генералъ-Маіора Графа Воронцова, составленный изъ сводной гренадерской дивизіи, 5-го егерскаго полка и Харьковскаго драгунскаго. 9-го числа Платовъ прибылъ къ Ворколабову, а Раевскій къ Старому Быхову. Остатокъ арміи пришелъ къ Старому Быхову 10-го Іюля, » и проч.

Замѣчаніе Раевскаго. Генералъ Платовъ не первый выступилъ изъ Бобруйска. Прибывъ въ Бобруйскъ прежде всѣхъ, я получилъ тамъ письмо отъ Могилевскаго Гражданскаго Губернатора, адресованное тому изъ военныхъ начальниковъ нашей арміи, который первый встрѣченъ будетъ посланнымъ. Въ семъ письмѣ онъ извѣщалъ о приближеніи непріятеля къ Могилеву.

Письмо сіе я немедленно послалъ къ Князю Багратіону, который къ вечеру прибывъ въ Бобруйскъ, приказалъ мнѣ на утро выступить и идти усиленными переходами къ Могилеву. — Уже въ 30-ти верстахъ впереди меня находился съ двумя казачьими своими полками Полковникъ Сысоевъ, состоявшій подъ моимъ начальствомъ. Я послалъ ему повелѣніе открывать путь, по коему буду слѣдовать; а Генералъ-Маіора Графа Сиверса съ его двумя драгунски-

ми полками двинулъ вслѣдъ за Сысоевымъ для подкрѣпленія его въ случаѣ нужды. Сей послѣдній догналъ перваго съ однимъ только эскадрономъ по совершеніи уже блистательнаго дѣла, въ коемъ Сысоевъ съ одними своими казацкими полками разбилъ непріятельскую кавалерію подъ Могилевымъ.

Стран. 195. » 10-го Іюля Генералъ Раевскій подвинулся къ Дашковкѣ. Онъ имѣлъ приказаніе атаковать непріятеля вездѣ, гдѣ бы ни встрѣтилъ его, и овладѣть Могилевымъ. Маршалъ Даву, ожидая на себя нападенія, занялъ позицію при деревнѣ Салтановкѣ и сдѣлалъ распоряженія свои къ оборонѣ. Мостъ при Салтановкѣ былъ заваленъ и прорублены ружейныя бойницы въ стѣнахъ корчмы, лежащей на лѣвомъ берегу оврага, прикрывавшаго всю линію Французовъ. Мостъ при мельницѣ Фатовой былъ сломанъ и въ сосѣднихъ домахъ такжеподѣланы бойницы; три баталіона поставлены были при Салтановкѣ, одинъ баталіонъ при Фатовой, имѣя за собою въ подкрѣпленіе пять другихъ баталіоновъ; четыре баталіона находились между Фатовой и деревнею Сельцемъ; а при оврагѣ, впереди сей послѣдней деревни находящемся, поставлены были еще два баталіона. Вся кавалерія, состоявшая изъ кирасирской дивизіи Генерала Валанса, легкой кавалерійской дивизіи Генерала Шастеля и одного конно-егерскаго полка отъ бригады Генерала Бордесульта, находилась въ резервѣ позади праваго крыла, за деревнею Сельцемъ, на дорогѣ, ведущей изъ нее въ мѣстечко Старыя-Бупничи. Пять баталіоновъ поставлены были еще правѣе,

при деревнѣ Застенкѣ, и наконецъ послѣдніе пять батальоновъ находились передъ Могилевымъ. » (*)

Замѣчаніе Раевскаго. 10 Іюля я съ авангардомъ моимъ, состоявшимъ въ 2хъ батальонахъ 6го егерскаго и 2хъ батальонахъ 42го егерскаго полковъ, прибылъ въ Дашковку, гдѣ далъ войскамъ роздыхъ. Спустя полчаса по прибытіи моемъ туда, я услышалъ выстрѣлы на конныхъ аванпостахъ моихъ, и немедленно получилъ чрезъ казацкаго офицера донесеніе отъ Полковника Сысоева, о сбитіи его съ мѣста Французскою пѣхотою. Имѣя не болѣе четырехъ батальоновъ съ собою, я рѣшился не двигаться съ мѣста; Сысоеву приказалъ отступать ко мнѣ, а Графу Сиверсу оставить съ своими драгунами дефилею, имъ занимаемую, и также отступить на мою сторону. Непріятель, посунувъ аванпосты мои до Новоселокъ, остановился; то-же сдѣлали и аванпосты мои; ручей раздѣлялъ ихъ отъ непріятеля. Уже было семь съ половиною часовъ вечера. Корпусъ мой подошелъ; авангардъ онаго я выдвинулъ за Дашковскую плотину и расположился съ остальными войсками на правомъ берегѣ ручья. Позиція была выгодная. Я далъ знать Князю, что непріятель предо мною и что ежели на утро не буду атакованъ, то предприму насильственное обозрѣніе, дабы увѣриться въ его силахъ. Такъ какъ 11-го числа непріятель не трогался съ мѣста, то я въ 8-мь часовъ утра выступилъ съ 4-мя батальонами, со-

(*) Всего у Даву было: 25 батальоновъ пѣхоты, 48 эскадроновъ кавалеріи, (что составляло около 34-хъ тысячъ войска) и почти неприступная позиція.

ставлявшими авангардъ мой, атаковалъ и гналъ аванпосты Французскіе по дорогѣ къ Салтановкѣ. Для подпоры авангарду сему, я подвинулъ еще четыре баталіона къ Новоселкамъ, поставя ихъ эшелонами; а остальнымъ войскамъ корпуса моего приказалъ быть готовымъ къ движенію и къ бою по первому повелѣнію.

Въ это самое время я получилъ собственноручную записку отъ Князя Багратіона, которая, кажется, еще у меня хранится, и въ коей именно сказано: « Я извѣщенъ, что предъ вами не болѣе шести ты-« сячъ непріятеля; атакуйте съ Богомъ, и старай-« тесь по пятамъ непріятеля ворваться въ Моги-« левъ. »

Въ слѣдствіе сего я приказалъ всему корпусу идти въ слѣдъ за мною, и сражаясь, достигъ до Салтановской плотины.

Непріятельская позиція весьма вѣрно описана въ сочиненіи Бутурлина; мнѣ не льзя было ограничиться одною атакою съ фронта, и когда смертоносная перестрѣлка завязалась, я отрядилъ Генерала Паскевича съ пятью полками 26-й пѣхотной дивизіи въ обходъ праваго крыла непріятельскаго, обѣщая ему, что коль скоро я узнаю о сбитіи имъ крыла сего и о движеніи его за ручей, то я самъ ударю на непріятеля, не считая его силы и во чтобы то ни стало. Войска мои расположены были такъ: два баталіона авангарда моего на право и два на лѣво большой дороги, разсѣкающей лѣсъ. Я придвинулъ къ

нимъ еще два баталіона Смоленскаго пѣхотнаго полка и поставилъ ихъ на самой большой дорогѣ. Съ ними я намѣренъ былъ идти чрезъ плотину, приказавъ баталіонамъ, составлявшимъ авангардъ мой, не отставать и поддерживать меня справа и слѣва въ минуту рѣшительнаго моего стремленія съ Смоленскими баталіонами. Въ такомъ положеніи я ожидалъ, что произойдетъ у Паскевича. Генералъ сей встрѣтилъ непріятельскія войска, шедшія съ своей стороны для обхода моего лѣваго крыла. Онъ опрокинулъ ихъ на плотину, лежащую на одномъ ручьѣ съ Салтановской плотиной, и на плечахъ ихъ перешедъ оную, сталъ уже подниматься на высоту противнаго берега. Стремительный натискъ превосходнаго числомъ непріятеля, поддержаннаго жестокимъ картечнымъ огнемъ сильной батареи, обратилъ его вспять и принудилъ отступить съ урономъ. Приведя въ порядокъ войска свои за плотиною, Паскевичъ возобновилъ нападеніе съ тою же отважностію, но съ тою же также неудачею, и уже сильно тѣснимый и преслѣдуемый непріятелемъ. Тогда, видя безполезность усилій своихъ, онъ донесъ мнѣ чрезъ Адъютанта своего о своемъ отступленіи. Между тѣмъ, до полученія донесенія сего, слыша, что огонь Паскевича подвигается, и видя, что непріятель, находившійся противъ меня, приходитъ въ нѣкоторое смятеніе, я счелъ минуту сію минутою рѣшительною и бросился на противную позицію прямо чрезъ Салтановскую плотину. Этотъ быстрый напоръ едва мнѣ дорого не стоилъ. При выходѣ изъ дефилеи я увидѣлъ вправо отъ себя довольно густую непріятельскую колонну, которая

пользуясь мѣстностію, скрытно отъ насъ перешла болото ниже плотины и пробиралась на нашу сторону. Мгновенно я поворотилъ вправо, ударилъ на сію колонну и опрокинулъ ее въ болото; но встрѣченный перекрестнымъ огнемъ съ непріятельской позиціи, я понесъ сильный уронъ. Въ сію минуту пришло ко мнѣ донесеніе Паскевича и о его неудачѣ. Сверхъ того нѣсколько офицеровъ и солдатъ, взятыхъ мною въ плѣнъ, единогласно объявили мнѣ, что противъ меня находятся три пѣхотныхъ и двѣ кирасирскихъ дивизій; что ожидаютъ изъ Могилева еще двѣ пѣхотныя дивизіи на подкрѣпленіе сражающихся, и что Маршалъ Даву находится съ войсками же въ Могилевѣ.

Не взирая на таковую несоразмѣрность въ силахъ, мнѣ нѣчего было опасаться въ дефилеѣ, мною занимаемой, относительно нападенія на меня; но я видѣлъ невозможность принудить непріятеля уступить мнѣ мѣсто, имъ занимаемое, и чрезъ то достичь до моей цѣли; почему я велѣлъ моимъ войскамъ отступать. Непріятель преслѣдовалъ меня вяло до Новоселокъ, гдѣ онъ занялъ мѣсто, занимаемое наканунѣ его аванпостами; я вступилъ на мою старую позицію. Въ то время, какъ я размѣщалъ войска свои при Дашковкѣ, прибыли туда лично Князь Багратіонъ и Атаманъ Платовъ. Дивизія соединенныхъ гренадеръ Графа Воронцова подошла ночью на подкрѣпленіе моему корпусу. Непріятель не двигался ни вечеромъ, ни на другой день. Въ восемь часовъ утра я получилъ повелѣніе идти въ Старой Быховъ для переправы чрезъ Днѣпръ. Графъ

Воронцовъ не былъ тревожимъ непріятелемъ до ночи, и вечеромъ выступилъ въ слѣдъ за мною, какъ сказано въ сочиненіи Бутурлина. Уронъ мой въ сей кровопролитный день простирался до двухъ тысячъ человѣкъ. Князь узналъ чрезъ переметчиковъ, что уронъ Французовъ по крайней мѣрѣ не уступалъ понесенному мною, и что Могилевъ заваленъ ранеными. Слѣдствіемъ сей упорной битвы было столь спасительное соединеніе обѣихъ армій подъ Смоленскомъ, ибо я узналъ въ послѣдствіи, что Маршалъ Даву полагалъ имѣть дѣло со всей 2й арміей, и стянулъ на сей пунктъ всѣ свои силы. Обязанностію себѣ поставляю, отдать справедливость ревнію и храбрости войскъ, подъ моимъ начальствомъ находившихся. Многіе изъ офицеровъ и солдатъ, по два раза раненые, перевязавъ раны свои, вступали снова въ ряды и дрались какъ-бы съ начала дѣла (*).

Этотъ бой былъ первымъ боемъ моего корпуса въ сей кампаніи. Войска одушевлены были примѣрнымъ мужествомъ и ревностію, достойною удивленія!

(*) Послѣ сего дѣла я своими глазами видѣлъ всю грудь и правую ногу Раевскаго, (уже раненую въ 1807-мъ году подъ Гейльсбергомъ) почернѣвшими отъ картечныхъ контузій. Онъ о томъ не говорилъ никому, и знала о томъ одна малая часть изъ тѣхъ, кои пользовались его особою благосклонностію. Д. Давыдовъ.

Въ дополненіе къ сему описанію я помѣщаю рапортъ Раевскаго Князю Багратіону о семъ же дѣлѣ, писанный десять дней послѣ онаго. Черновая бумага, исправленная собственною рукою Раевскаго, по списаніи съ нее набѣло, была брошена и поднята мною съ невѣдѣніемъ еще, что съ нею сдѣлаю. Между ею и вышеизложеннымъ описаніемъ заключается около четырнадцати лѣтъ. Она любопытна какъ по бо́льшимъ подробностямъ, такъ и по сходству между собою обѣихъ описаній одного дѣла: вѣрнѣйшее доказательство той любви къ истинѣ, коею Раевскій руководствовался во всѣхъ представленіяхъ о подвигахъ своихъ и дѣйствіяхъ войскъ, имъ командуемыхъ.

Главнокомандующему 2ю западною арміею, Господину Генералу отъ Инфантеріи и Кавалеру Князю Багратіону,

Генералъ-Лейтенанта Раевскаго

Рапортъ.

Прибывъ по повелѣнію Вашего Сіятельства къ деревнѣ Дашковкѣ 10 числа Іюля мѣсяца, едва успѣлъ я расположиться со ввѣреннымъ мнѣ корпусомъ, какъ получилъ извѣстіе, что непріятель въ большихъ силахъ кавалеріи и пѣхоты принуждаетъ къ отступленію мои аванпосты, находящіеся тогда отъ меня въ осьми верстахъ, въ маломъ разстояніи отъ деревни Салтановки. Я приказалъ имъ от-

ступать и наводить его на мою позицію; но онъ остановился при деревнѣ Новоселкахъ. 11-го числа, получивъ позволеніе Вашего Сіятельства атаковать непріятеля, выступилъ я со ввѣреннымъ мнѣ корпусомъ и встрѣтилъ его по-сю сторону деревни Новоселки. Господинъ Генералъ-Адъютантъ Васильчиковъ, командовавшій моимъ авангардомъ, который въ сей день оказалъ храбрость солдата и искусство опытнаго Генерала, встрѣтя его, принудилъ немедленно къ отступленію. Тщетно непріятель подкрѣпляемъ былъ новыми силами: онъ безпрерывно былъ опрокидыванъ и преслѣдованъ до деревни Салтановки, гдѣ у него была позиція, природою и искуствомъ укрѣпленная. Стремленіе войскъ нашихъ при семъ преслѣдованіи было столь велико, что, не смотря на картечной перекрестной огонь съ трехъ сторонъ и ружейный огонь засѣвшаго въ деревнѣ непріятеля, стрѣлки авангарда перебѣжали плотину и деревню и уже касались вершины горы, но будучи встрѣчены превосходными силами, принуждены были отступить на сію сторону пруда. Между тѣмъ, прибывши съ моимъ корпусомъ къ сему мѣсту, и видя невозможноть форсировать непріятеля въ одномъ семъ пунктѣ, а также опасаясь, чтобъ онъ не атаковалъ меня внезапно въ лѣвый флангъ, что по густотѣ лѣса въ дефилеѣ ему удобно было сдѣлать, отрядилъ я Господина Генералъ-Маіора Паскевича (ознаменовавшаго свое служеніе прежде многими храбрыми подвигами) съ 26ю дивизіею по дорогѣ въ лѣво, и приказалъ ему стараться обойти непріятеля. Предвидѣніе мое исполнилось: ибо онъ встрѣтилъ его уже идущаго ко мнѣ

съ симъ намѣреніемъ; но Генералъ-Маіору Паскевичу атаковать его и опрокинуть было одно и тоже. Сраженіе сіе продолжалось въ густомъ лѣсу, такъ что мнѣ силъ непріятельскихъ открыть было невозможно; почему надѣялся я, что дѣйствіемъ сего обхода я успѣю завладѣть непріятельскою позиціею и ожидалъ только малѣйшаго успѣха Генералъ-Маіора Паскевича, чтобы колоннами идти на штыкахъ чрезъ плотину и атаковать все то, что предо мною находилось. Между тѣмъ выгодное положеніе непріятельской артиллеріи наносило намъ много вреда, и единая храбрость и усердіе Россійскихъ войскъ могли противоборствовать всѣмъ представлявшимся преградамъ. Подбитыя наши пушки перемѣнялись новыми; убитые и раненые люди замѣнялись здоровыми и наносили большой вредъ непріятелю. Храбрый Полковникъ Глѣбовъ съ 6мъ и 42мъ егерскими полками удерживалъ мѣсто противъ непріятеля, который подъ прикрытіемъ своихъ батарей переходилъ чрезъ болота въ большомъ числѣ, усиливаясь согнать насъ съ нашего мѣста; но намѣреніе его всегда обращалось ему во вредъ. Между тѣмъ Генераль-Маіоръ Паскевичъ, два раза опрокидывая штыками непріятеля съ неимовѣрною храбростію, принужденъ былъ отступить къ своимъ резервамъ по причинѣ усиливающагося безпрерывными подкрѣпленіями непріятеля; я-жъ, услыша при послѣдней его атакѣ, что огонь нашъ подвигается впередъ, и считая сію минуту рѣшительною, ставъ съ Генералъ-Адъютантомъ Васильчиковымъ и всѣми мнѣ принадлежащими Штабъ и Оберъ-офицерами въ первыхъ рядахъ колонны, со-

ставленной изъ Смоленскаго пѣхотнаго полку, пошелъ къ плотинѣ. Сей полкъ, отвѣчая всегдашней его славѣ, не смотря на сильный непріятельской огонь, шелъ безъ выстрѣла на штыки съ отличнымъ духомъ. Подойдя къ плотинѣ, я увидѣлъ сильную колонну непріятельскую, справа отъ меня къ намъ идущую. Я обратилъ на нее мое стремленіе. Цѣпь стрѣлковъ егерскихъ, видя меня идущаго впередъ, мгновенно бросилась совокупно съ моей колонной на непріятельскую, которая вся тотчасъ была опрокинута и уничтожена. При сей атакѣ полковой командиръ, Полковникъ Рылѣевъ, отличившій себя необыкновенною храбростію, получилъ въ ногу жестокую рану, а Маіоръ Шевелевъ убитъ; находившійся при мнѣ Штабсъ-Ротмистръ Масловъ тяжело раненъ и упалъ за-мертво, такъ какъ и многіе меня окружавшіе. Въ самую эту минуту я получилъ отъ Генералъ-Маіора Паскевича извѣстіе, что онъ по причинѣ крѣпкаго мѣста, подобно моему, и превосходнаго непріятеля не можетъ успѣть въ своемъ намѣреніи; а отъ плѣнныхъ узнавъ, что всѣ силы Фельдмаршала Давуста, состоящія изъ пяти дивизій, въ его личномъ присутствіи находятся или тутъ, или неподалеку отъ поля сраженія; сверхъ того, получа приказаніе Вашего Сіятельства, по симъ же причинамъ и по наступающему вечеру оставить сію атаку, я приказалъ Генералъ-Адъютанту Васильчикову и Генералъ-Маіору Паскевичу мало по-малу отступать. Непріятель, сочтя оное отступленіе за побѣду, бросился съ стремительностію на орудія; но вскорѣ былъ выведенъ изъ заблужденія смертію на шты-

кахъ нашихъ.—Съ сей минуты отступленіе, дѣланное во всемъ порядкѣ, было обезпокоиваемо только малымъ числомъ стрѣлковъ; я-же между тѣмъ на всякой случай устроилъ сильныя батареи въ удобномъ мѣстѣ при деревнѣ Новоселкахъ, дабы принять тамъ непріятеля, буде онъ покусится меня преслѣдовать. Но сія предосторожность была лишняя, ибо онъ меня оставилъ, не доходя оной, и я отступилъ покойно на прежнюю мою позицію при деревнѣ Дашковкѣ.—Единая храбрость и усердіе Россійскихъ войскъ могла избавить меня отъ истребленія противу толико превосходнаго непріятеля и въ толико выгодной для него позиціи. Я самъ свидѣтель, какъ многіе Штабъ, Оберъ, унтеръ-офицеры и солдаты, получа по двѣ раны и перевязавъ оныя, возвращались въ сраженіе, какъ на пиръ. Не могу довольно выхвалить храбрость и искусство артиллеристовъ; въ сей день всѣ были герои, о чемъ свидѣтельствуетъ превосходная противу нашей потеря непріятеля, которая Вашему Сіятельству извѣстна чрезъ постороннія донесенія. Испрашиваю васъ довесть до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества службу его вѣрноподданныхъ и доставить достойное награжденіе какъ Генераламъ, Штабъ и Оберъ-офицерамъ, такъ и нижнимъ чинамъ, въ сей знаменитый день отличившимся.— Подлинный подписалъ: Генералъ-Лейтенантъ Раевскій.

№ 196.
Іюля 20 дня,
1812 года.
По 1-му отдѣленію.

Смоленская битва.

Стран. 210.» Отрядъ Генералъ-Маіора Невѣровскаго, въ коемъ было отъ 7 до 8,000 человѣкъ,« и проч.

Замѣчаніе Раевскаго. Генералъ Невѣровскій командовалъ дивизіею, сформированною имъ самимъ. По сей причинѣ, въ замѣнъ двухъ изъ его полковъ, ему дали два изъ моихъ старыхъ: одинъ Полтавскій пѣхотный, а имени другаго полка я не упомню.

Стран. 216. «Наконецъ оба Главнокомандующіе начали безпокоиться о безопасности своего лѣваго фланга. Князь Багратіонъ, извѣщенный о переходѣ Французской арміи чрезъ Днѣпръ, разсудилъ, что отрядъ Генералъ-Маіора Невѣровскаго, оставшійся одинъ среди сильныхъ громадъ, которыя непріятель готовился обратить противъ него, находится въ великой опасности; а потому и приказалъ Генералъ-Лейтенанту Раевскому, уже выступившему изъ Смоленска къ селу *Надвѣ*, возвратиться въ Смоленскъ, и потомъ по лѣвому берегу Днѣпра идти къ городу Красному, дабы принять къ себѣ отрядъ Невѣровскаго. Самъ Багратіонъ, 3го Августа къ вечеру, прибылъ въ село *Катань*, гдѣ и велѣлъ поставить мостъ, въ намѣреніи перейдти здѣсь рѣку Днѣпръ, для защиты дороги изъ Краснаго въ Смоленскъ, совокупно съ войсками Генераловъ Раевскаго и Невѣровскаго. . . . .
. . . .

Того-жъ 3го Августа Наполеонъ, продолжая движеніе свое къ Смоленску, занялъ главную квартиру

въ *Корытнѣ*. Армія его собралась между Корытнею и Лубнею, занятою Маршаломъ Неемъ. . . .

. . . .

Генералъ-Маіоръ Невѣровскій, рано поутру оставившій Корытню, встрѣтился съ корпусомъ Раевскаго въ 6ти верстахъ отъ Смоленска. Генералъ-Лейтенантъ Раевскій, находя себя не въ состояніи въ полѣ устоять противъ несмѣтныхъ силъ непріятеля, рѣшился войти въ Смоленскъ и защищать сей городъ до послѣдней крайности, дабы дать время Россійскимъ арміямъ приспѣть къ нему на помощь. . . . .

. . . .

Князь Багратіонъ намѣревался перейти Днѣпръ у села Катани единственно въ томъ предположеніи, что непріятель переправилъ чрезъ сію рѣку только часть своей арміи; но узнавъ, что Наполеонъ со всѣми силами своими находился въ окрестностяхъ Катани, онъ рѣшился тотчасъ идти по правому берегу Днѣпра къ Смоленску на помощь Генералу Раевскому, который неминуемо долженствовалъ быть сильно утѣсненъ непріятелемъ.—Въ ночи съ 3го на 4е число мостъ у Катани былъ снятъ, а 4го на разсвѣтѣ вторая армія выступила къ Смоленску. Первая армія также пошла къ сему городу.

. . . .

Генералъ-Лейтенантъ Раевскій съ своей стороны приготовился защищать Смоленскъ съ 16,000 человѣкъ, бывшими подъ его начальствомъ. Городъ сей, лежащій на скатѣ высотъ лѣваго берега Днѣпра, огражденъ каменною стѣною, имѣющею 25 футовъ высоты, 18 футовъ толщины и болѣе 7 верстъ въ

окружности. Сія ветхая ограда, во многихъ мѣстахъ разрушавшаяся, снабжена тридцатью башнями, изъ коихъ нѣкоторыя, превращенныя въ малые бастіоны и уставленныя артиллеріею, отчасти доставляютъ стѣнамъ боковую оборону. Сухой ровъ и предъ нимъ прикрытый путь съ гласисомъ, окружаютъ стѣну; но ровъ весьма неглубокъ и не имѣетъ боковой обороны; а прикрытый путь, лишенный безопаснаго сообщенія съ крѣпостію, не можетъ быть защищенъ съ успѣхомъ. По западную сторону города, на высотѣ, находится большое земляное укрѣпленіе неправильной фигуры, Королевскимъ бастіономъ называемое, которое и служитъ вмѣсто малой цитадели. Городъ имѣетъ трое воротъ: одни со стороны рѣки, а двое другихъ, Малаховскими и Никольскими воротами называемыя, къ сторонѣ поля. Передъ Малаховскими воротами соединяются дороги изъ городовъ: Краснаго, Мстиславля и Рославля. Сообщеніе съ правымъ берегомъ производится посредствомъ моста, къ коему примыкаютъ дороги изъ С. Петербурга и Москвы, и который прикрытъ довольно правильнымъ земляньмъ кронверкомъ; однакожъ высоты праваго берега повелѣваютъ симъ укрѣпленіемъ. Близость предмѣстія умножала затруднительность обороны Смоленска, давая непріятелю способъ скрытно подходить къ самой подошвѣ гласиса (*).»

(*) Мы увидимъ далѣе, что изъ сего то положенія предмѣстія Раевскій извлекъ главныя средства для защиты Смоленска, и что непріятель, не взирая на силы свои, въ одномъ

Замѣчаніе Раевскаго. Движеніе Наполеоново на лѣвое крыло нашей арміи есть одно изъ тѣхъ отважныхъ предпріятій, кои и предвидѣть и отвратить затруднительно. Онъ пользовался уже всѣми выгодами сокрытаго начинанія, прежде нежели кто нибудь въ нашей арміи могъ подумать о переходѣ его на правую сторону Днѣпра. Мы все съ медленностію и нерѣшимостію продолжали наше наступательное движеніе, то возвращаясь по прежнимъ слѣдамъ, то занимая безполезныя позиціи.

Вторая армія, шедшая по Смоленской дорогѣ въ Катань, тянулась по правому берегу Днѣпра. Корпусъ, коимъ я командовалъ, и который составлялъ резервъ сей арміи, долженъ былъ выступить изъ Смоленска по выходѣ дивизіи гренадеровъ Принца Мекленбургскаго. Такимъ образомъ я не могъ двинуться ранѣе 7 часовъ вечера. Едва прошелъ я нѣсколько верстъ, какъ услышалъ сильную канонаду по направленію къ городу Красному; вскорѣ потомъ Адъютантъ, ѣхавшій мимо меня, объявилъ мнѣ, что онъ посланъ отъ Генерала Невѣровскаго съ рапортомъ о томъ, что непріятель съ большими силами на него напираетъ. Это объяснило намъ причину слышанной нами канонады. Прошедъ отъ Смоленска около двѣнадцати верстъ, я оста-

---

только пунктъ подошелъ къ Смоленскому валу, а именно: къ Королевскому бастіону; предмѣстье же въ продолженіе всего боя и даже послѣ онаго всегда оставалось за нами. Д. Д.

новился для роздыха. Ночь наступила глубокая. Вскорѣ получилъ я отъ Князя Багратіона повелѣніе остановиться на томъ мѣстѣ, гдѣ я получу оное, и ожидать послѣдняго, которое немедленно и было ко мнѣ прислано. Въ немъ предписано мнѣ было возвратиться и идти чрезъ Смоленскъ къ Красному, дабы занять позицію на половинѣ дороги и принять дивизію Невѣровскаго въ составъ моего корпуса. Исполняя безъ отлагательства данное мнѣ повелѣніе, я чрезъ того же курьера просилъ дать въ мое распоряженіе вторую кирасирскую дивизію, находившуюся почти на одной дистанціи со мною; она мнѣ нужна была потому, что я долженъ былъ сражаться на открытомъ мѣстоположеніи. Я требовалъ притомъ разрѣшенія, «что въ случаѣ встрѣ«чи моей съ превосходнымъ въ силахъ непріятелемъ «и при необходимости отступленія, должно ли «мнѣ будетъ защищаться въ Смоленскѣ, который «непремѣнно подвергнется чрезъ сіе совершенному «разоренію; или не долженъ ли я, перешедъ рѣку, «препятствовать чрезъ нее непріятельской пере«правѣ?» — Въ первомъ случаѣ я надѣялся имѣть болѣе вѣроятности остановить непріятеля; но подвергалъ какъ городъ, такъ и войска мои совершенному истребленію; во второмъ, я-предавалъ городъ, но спасалъ цѣлость моего корпуса. На сей рапортъ мой не получа ни какого отвѣта, я продолжалъ идти къ Смоленску.

На разсвѣтѣ, находясь уже въ виду города, я послалъ Адъютанта моего для освѣдомленія объ обстоятельствахъ. Онъ немедленно возвратился и

увѣдомилъ меня, что нѣкто, принадлежащій къ дивизіи Невѣровскаго, прибылъ въ Смоленскъ и извѣстилъ, что дивизія Невѣровскаго совершенно истреблена. — Я не вѣрилъ сему извѣстію, и зная, что Генералъ Беннингсенъ находится въ городѣ, зашелъ къ нему, пока корпусъ мой проходилъ чрезъ Смоленскъ. Я просилъ у него совѣта; но онъ, повторивъ мнѣ ложное извѣстіе, до меня уже дошедшее, сказалъ: «что весьма сожалѣетъ обо мнѣ, «что положеніе мое весьма критическое, и что «наконецъ онъ совѣтуетъ мнѣ оставить мою ар-«тиллерію по сю сторону рѣки, дабы не подвер-«гаться опасности потерять оную.—» Такова была увѣренность его въ моей погибели, что онъ желалъ, по крайней мѣрѣ, спасти хотя артиллерію мою! Сей совѣтъ несообразенъ былъ съ тогдашнимъ моимъ дѣйствительно почти безнадежнымъ положеніемъ. Надобно было пользоваться всѣми средствами, находившимися въ моей власти, и я слишкомъ чувствовалъ, что дѣло идетъ не о сохраненіи нѣсколькихъ орудій, но о спасеніи главныхъ силъ Россіи, а можетъ быть и самой Россіи. Оставивъ Беннингсена, я послѣдовалъ за моимъ корпусомъ, который со всею артиллеріею тянулся чрезъ Смоленскъ по дорогѣ къ Красному. Въ двухъ верстахъ отъ города я остановилъ его и лично рѣшился изучить мѣстоположеніе, весьма невыгодное относительно общаго положенія дѣлъ, но, къ счастію, раскрывшее мнѣ тактическія пособія, которыхъ я никакъ не ожидалъ, и коимъ обязанъ я своимъ спасеніемъ. Я рѣшился расположиться близъ самой Мстиславской заставы. — Тамъ я ждалъ отъ Невѣ-

ровскаго извѣстій. Въ два часа пополудни прибылъ онъ самъ. Онъ защищался превосходно, геройски, что непріятель умѣлъ оцѣнить выше, нежели онъ самъ. Отступленіе его было не пораженіе, а побѣда, судя по несоразмѣрности силъ непріятеля относительно къ его силамъ; не взирая на то, онъ приходилъ въ отчаяніе. Я утѣшалъ его, какъ могъ, и соединилъ съ моимъ корпусомъ остатки его дивизіи.

Невѣровскій извѣстилъ меня, что онъ прибылъ съ одною пѣхотою, что потерялъ нѣсколько орудій и что оставилъ казаковъ на аванпостахъ въ 7 или 8 верстахъ отъ города, что непріятель остановился на ночлегъ и что онъ чрезвычайно многочисленъ. Обо всемъ этомъ донесъ я начальствовавшимъ Генераламъ, отъ коихъ не получалъ ни повелѣній, ни извѣщеній.

Въ пять часовъ вечера услышалъ я пушечный выстрѣлъ. Минуту спустя, прискакалъ казачій офицеръ съ рапортомъ, что непріятель идетъ на Смоленскъ и что аванпосты наши отъ него отступаютъ. Я сѣлъ на лошадь и поѣхалъ впередъ, чтобы ближе видѣть, что дѣлается. И дѣйствительно, вскорѣ увидѣлъ я всю кавалерію Мюрата и огромныя массы пѣхоты, кои развертывались по полямъ, располагаясь для ночлега. При наступленіи ночи безчисленныя линіи огней, протянутыя на чрезмѣрное пространство и почти исчезающія отъ взора, удостовѣрили меня, что непріятель находится предо мною со всѣми своими силами.

Я вполнѣ чувствовалъ опасность моего положенія. Обѣ арміи наши находились отъ меня въ 40 верстахъ; между ними и мною никого не было, и потому я никакъ не могъ получить подкрѣпленія ближе слѣдующей ночи. Правда, я могъ бы защищаться нѣсколько времени въ стѣнахъ города; но сохраненіе Днѣпровскаго моста, единственнаго пути соединенія моего съ арміями, если-бъ оный былъ атакованъ какимъ-либо корпусомъ, двинувшимся по берегу Днѣпра, подвергалось сильному сомнѣнію. Можетъ быть, я лучше бы сдѣлалъ, если бы перешелъ на правый берегъ рѣки; но поступокъ сей могъ быть перетолкованъ въ дурную сторону.

28 баталіоновъ составляли мой корпусъ, ибо два изъ моихъ полковъ находились въ авангардѣ Генерала Васильчикова, другіе же два были посланы во внутрь Россіи для укомплектованія. Такимъ образомъ у меня было не болѣе 13 тысячъ человѣкъ для сопротивленія непріятелю, считая въ томъ числѣ и 12 баталіоновъ Невѣровскаго, еще отуманенныхъ отъ отступленія. Я вполнѣ чувствовалъ, что долгъ мой — скорѣе погибнуть со всѣмъ моимъ отрядомъ, нежели позволить непріятелю отрѣзать арміи наши отъ всякихъ сообщеній съ Москвою и съ полуденными Губерніями, доставлявшими имъ всѣ нужныя средства и пособія.

Опираюсь на слова самаго Наполеона въ замѣчаніяхъ, кои диктовалъ онъ Монтолону на островѣ Св. Елены (Mémoires pour servir à l'histoire de France écrits à St. Hélène; Tom. 2. pag. 92.):

« Сіе превосходное движеніе ни въ чемъ не усту-
« паетъ тому, которое совершилъ Наполеонъ подъ
« Лансгутомъ въ 1809 году. — Онъ, прикрывъ себя
« Бабиновичевскимъ лѣсомъ, обошелъ лѣвое крыло
« Русской арміи, перешелъ Днѣпръ и устремился
« на Смоленскъ, куда прибылъ 24-мя часами прежде
« Русской арміи, уже отступавшей къ сему го-
« роду съ величайшею поспѣшностію. Русскій от-
« рядъ, состоявшій изъ 15,000 человѣкъ, нечаян-
« но находившійся въ Смоленскѣ, имѣлъ счастіе за-
« щищать сію крѣпость цѣлый день, что дало Барк-
« лаю де Толли время подоспѣть на другой день съ
« пособіемъ. — »

« Если бы Французская армія застала Смоленскъ
« въ расплохъ, то перешедъ Днѣпръ, она атаковала
« бы въ тылъ Русскую армію, въ то время раздѣ-
« ленную и шедшую въ безпорядкѣ. Сего рѣшитель-
« наго удара совершить не удалось. — »

Сей отрядъ Русской арміи былъ мой корпусъ, соединенный съ остатками отряда Невѣровскаго. —

Я отправилъ двухъ курьеровъ къ начальствовавшимъ Генераламъ, извѣщая ихъ утвердительно, что вся Французская армія стоитъ передо мною; Князя же Багратіона особенно извѣщалъ я, что спасеніе обѣихъ армій нашихъ зависитъ отъ упорной защиты моего отряда.

Еще прежде какое-то неизъяснимое чувство предвѣщало мнѣ, что я буду сражаться подъ Смоленскомъ, и я тщательно осмотрѣлъ мѣстность предъ

городомъ и самое предмѣстіе, котораго выгоднымъ положеніемъ я старался воспользоваться. Въ слѣдствіе чего я приказалъ ночью большую часть моей артиллеріи помѣстить на древнихъ земляныхъ бастіонахъ, окружающихъ каменную стѣну города; всю пѣхоту мою расположилъ передъ предмѣстіемъ; правымъ крыломъ ея командовалъ Генералъ Паскевичъ. Остальную же артиллерію я такъ размѣстилъ, что непріятельская артиллерія не безъ труда могла противъ моей дѣйствовать, ибо она должна была переходить глубокія рытвины и водомоины, отстоящія отъ меня почти на полувыстрѣлѣ пушечномъ. За то войсками моими я едва могъ обставить средину и правый флангъ того полукружія, которое я долженъ былъ занимать, не имѣвъ ихъ достаточно, чтобы отдѣлить на лѣвое крыло мое болѣе двухъ баталіоновъ, которые я поставилъ въ смѣжности съ берегомъ, въ предмѣстіи Ращенкѣ, и четырехъ, которые расположилъ я у Днѣпровскаго моста. Осталось еще 4 баталіона, изъ коихъ два поставилъ я въ резервѣ между городомъ и предмѣстіемъ, а другіе два въ самомъ городѣ. Сверхъ сего я собралъ нѣсколько сотъ выздоравливавшихъ изъ госпиталей, коихъ вооруживъ, разставилъ по каменной стѣнѣ, окружающей Смоленскъ. Ночью, не знаю откуда, пришли ко мнѣ Новороссійской драгунской и Литовской уланской полки. Сіе подкрѣпленіе, судя по натурѣ мѣстности, не могло служить мнѣ большимъ пособіемъ въ битвѣ; впрочемъ конница сія вмѣстѣ съ казаками могла производить разъѣзды и предохранять такимъ образомъ мое лѣвое крыло — пунктъ весьма важный въ моей оборонѣ! Сдѣлавъ

сіи распоряженія, я далъ повелѣніе моей пѣхотѣ, стоявшей весьма выгодно, не дѣлать шагу для преслѣдованія непріятеля, въ случаѣ если онъ будетъ опрокинутъ; дабы чрезъ то не ослабить себя, расширяя поле битвы. Въ ожиданіи дѣла я хотѣлъ нѣсколько уснуть; но искренно признаюсь, что не смотря на всю прошедшую ночь, проведенную мною на конѣ, я не могъ сомкнуть глазъ — столько озабочивала меня важность моего поста, отъ сохраненія коего столь много, или лучше сказать, вся война зависѣла!

Съ утреннею зарею ружейная перестрѣлка завязалась. Въ самомъ началѣ битвы привели ко мнѣ одного изъ Мюратовыхъ Адъютантовъ, захваченнаго въ плѣнъ при рекогносцировкѣ и покрытаго ранами. Онъ былъ принятъ мною ласково, чего, вѣроятно, не ожидалъ. Въ изліяніи признательности своей онъ сказалъ мнѣ, что съ балкона моей квартиры я могу видѣть Наполеона, разсматривающаго въ подзорную трубу мою позицію; что предо мною стоятъ три корпуса: Мюрата, Нея и Даву, и что немедленно я буду атакованъ на всѣхъ пунктахъ. Дѣйствительно, слова его подтвердились самымъ дѣломъ. Я стоялъ на малой моей внѣшней батареѣ, близъ Малаховскихъ воротъ, откуда могъ обозрѣвать довольно значительное пространство.

Стран. 219.» Въ 10-ть часовъ утра, Князь Багратіонъ съ арміею своею прибылъ къ Петербургскому предмѣстію, и видя великое превосходство силъ, развернутыхъ непріятелемъ противъ города, под-

крѣпилъ Генерала Раевскаго второю гренадерскою дивизіею Принца Карла Мекленбургскаго.»

Замѣчаніе Раевскаго. Несправедливо, что Кн. Багратіонъ прибылъ ко мнѣ, какъ говоритъ Г. Бутурлинъ, въ 10 часовъ утра. Первое подкрѣпленіе, пришедшее ко мнѣ, была кирасирская дивизія, вовсе для меня тогда безполезная, и коей я по сему случаю запретилъ переходить рѣку. Между седьмымъ и восьмымъ часами вечера прибыли ко мнѣ четыре полка гренадеровъ, что ободрило меня чрезвычайно. При всемъ томъ я оставилъ ихъ позади предмѣстія въ резервѣ. Почитаю себѣ въ обязанность не умолчать о томъ, что случилось со мною во время битвы; это можетъ послужить для неопытныхъ военныхъ людей урокомъ, не теряться отъ дурныхъ извѣстій: гораздо прежде прибытія гренадеровъ прискакалъ ко мнѣ одинъ офицеръ и увѣдомилъ меня, что непріятель взялъ большой бастіонъ приступомъ. Это несчастіе можно еще было поправить и извѣстіе было не безъ основанія: ибо дѣйствительно одна непріятельская колонна дерзновенно бросилась на бастіонъ и уже готова была завладѣть онымъ, какъ баталіонъ Орловскаго пѣхотнаго полка, сокрытый отъ оной, мгновенно на нее ударилъ и опрокинулъ ее съ бастіона, что случилось въ отсутствіе уже доносившаго мнѣ офицера. Въ самую ту минуту, когда въ слѣдствіе донесенія сего я хотѣлъ идти къ сему бастіону съ резервомъ моимъ, находившимся позади предмѣстія, вдругъ получаю извѣстіе чрезъ другаго офицера, котораго послѣ никакъ не могъ я отъискать, что непріятель завладѣлъ Днѣпровскимъ мос-

томъ. На семъ пунктѣ стоялъ у меня Генералъ-Маіоръ Оленинъ съ четырьмя баталіонами.

Оставляю читателю судить, какое дѣйствіе произвели во мнѣ сіи два извѣстія, почти вмѣстѣ одно съ другимъ привезенныя! Однакожъ нѣкогда было долго думать: я приказалъ двумъ баталіонамъ, стоявшимъ позади предмѣстія, идти на бастіонъ; а самъ съ двумя баталіонами, находившимися въ городѣ, бросился къ мосту. Пришедъ туда, я нашелъ резервъ, стоявшій у онаго въ порядкѣ, и ни одного непріятельскаго солдата противъ него, и къ неизъясномому моему удовольствію узналъ, что непріятеля даже тамъ никогда и не было. Тогда я бросился къ атакованному бастіону, и узналъ отъ Генерала Паскевича о происшествіи, о коемъ выше сказано. Повторяю, что прибытіе гренадеровъ совершенно меня успокоило. Вечеръ наступилъ. Въ это время пріѣхали ко мнѣ Князь Багратіонъ и Его Высочество Герцогъ Александръ Виртембергскій. Поздравленія сыпались со всѣхъ сторонъ. Всякой чувствовалъ важность моего успѣха. Это, могу сказать, была благополучнѣйшая минута всего военнаго моего поприща; надобно было перенести безпокойство, которое я перенесъ въ продолженіе 24-хъ часовъ, чтобы умѣть истинно оцѣнить то блаженство, коимъ я наслаждался. — Непріятельскій огонь начиналъ ослабѣвать; войска наши появлялись уже на высотахъ праваго берега. Приближеніе ночи прекратило битву, которая стоила мнѣ не болѣе 1000 человѣкъ. Наконецъ непріятель отошелъ въ лагерь свой. Говорятъ, что корпусъ Генерала Жюно былъ

посланъ для поддержанія праваго непріятельскаго крыла; слѣдовательно онъ долженъ бы былъ атаковать мое лѣвое; но что будто бы сей корпусъ сбился съ дороги. Если бы сей корпусъ подошелъ къ назначенному ему мѣсту, то мнѣ затруднительно, или лучше сказать, невозможно было бы такъ кончить, какъ я кончилъ. Что же касается до меня, то я приписываю успѣхъ сего сраженія волѣ Божіей и храбрости войскъ моихъ. Даже и теперь чувство сердечной признательности къ Всевышнему сливается съ моими воспоминаніями при описаніи одного изъ важнѣйшихъ происшествій моей жизни.

Я долженъ прибавить, что въ началѣ битвы получена мною отъ Князя Багратіона слѣдующая записка: » Другъ мой! Я не иду, я бѣгу; желалъ-бы « имѣть крылья, чтобы поскорѣе соединиться съ то- « бою. Держись! Богъ тебѣ помощникъ! »

Въ полночь Генералъ Доктуровъ пришелъ съ своимъ корпусомъ мнѣ на смѣну.

Сія Смоленская битва, въ коей я съ слабыми силами долженъ былъ бороться противъ огромныхъ непріятельскихъ силъ, есть одна изъ всѣхъ битвъ моей долговременной службы, о которой воспоминаю я съ наибольшимъ самодовольствіемъ. Провидѣнію угодно было поставить меня въ самое трудное положеніе, но Оно же, по благости своей, дало мнѣ и руку помощи.

Я сражался съ твердымъ намѣреніемъ погибнуть на семъ посту́ чести — быть можетъ и славы;

и когда я взвѣшиваю съ одной стороны важность послѣдствій сего дѣла, а съ другой — малость потери, мною понесенной, то ясно вижу, что успѣхъ зависѣлъ не столько отъ воинскихъ моихъ соображеній, какъ отъ слабости натисковъ Наполеоновыхъ, который, вопреки всегдашнихъ своихъ правилъ, видя рѣшительный пунктъ, не умѣлъ имъ воспользоваться.

Если бы непріятель употребилъ въ сей день такой же неослабный напоръ, какой употребилъ онъ на другой день, но уже безъ надежды на тѣ послѣдствія, кои могли произойти отъ взятія Смоленска, мною защищаемаго, то кончено было бы существованіе Русскихъ армій — и жребій войны былъ бы рѣшенъ невозвратно!

Однакожъ по странности, которая можетъ быть изъяснена только страстями человѣческими, сраженіе сіе почти нигдѣ не было оглашено.

Стран. 222.» Въ 8 часовъ по полуночи (5-го числа) Генералъ Докшуровъ учинилъ общую вылазку противъ непріятеля, который пользуясь ночью, засѣлъ почти подъ самыми стѣнами города.»

Замѣчаніе Раевскаго. Сія статья совершенно несправедлива, ибо въ концѣ битвы, я лично былъ передъ предмѣстіемъ, находившимся довольно въ большомъ разстояніи отъ стѣнъ города. Генералъ Докшуровъ смѣнилъ меня въ полночь, слѣдовательно не могъ сдѣлать никакихъ новыхъ распоряженій,

и потому онъ занялъ только тѣ самые пункты, кои до него занималъ я съ артиллеріею и пѣхотою моего корпуса; но онъ обставилъ войсками своими лѣвую сторону Смоленскаго вала; чего я сдѣлать не могъ, имѣвъ въ оныхъ недостатокъ. Онъ былъ атакованъ, какъ и я, на разсвѣтѣ; войска его, отразивъ атаку, преслѣдовали непріятеля; чего я ни разу не сдѣлалъ. Я не критикую его: да идетъ мимо меня мысль, охуждать въ чемъ-либо сего храбраго Генерала, котораго уже нѣтъ на свѣтѣ; — мы оба были въ несходныхъ между собою обстоятельствахъ. Во время Доктурова утренняго дѣла, я былъ лично на высотахъ праваго берега Днѣпра, откуда могъ видѣть и видѣлъ все, что происходило на лѣвомъ берегу сей рѣки.

Бородинское сраженіе.

Стран. 268. «Седьмой пѣхотный корпусъ Генералъ-Лейтенанта Раевскаго протянулся въ двѣ линіи отъ Семеновской до большой батареи. Онъ подкрѣпленъ былъ 4^{мъ} кавалерійскимъ корпусомъ Генералъ-Маіора Графа Сиверса, развернутымъ въ двѣ линіи. Все сіе лѣвое крыло, составленное изъ войскъ второй арміи, находилось подъ начальствомъ Генерала отъ Инфантеріи Князя Багратіона. 6-й пѣхотный корпусъ Генерала Доктурова составлялъ центръ арміи и расположенъ былъ прямо противъ села Бородина, отъ праваго фланга 7го пѣхотнаго корпуса до кургана у деревни Горокъ. . . . .

. . . .

. . . .

« Между тѣмъ, какъ на лѣвомъ крылѣ Россіянъ сражались съ толикимъ ожесточеніемъ, въ центрѣ позиціи происходилъ бой столь же кровопролитный. Вице-Король Италіянскій, по неслыханныхъ усиліяхъ успѣлъ наконецъ вытѣснить изъ кустарниковъ Россійскихъ егерей 12й и 26й дивизій, замедлявшихъ его наступленіе, и вышелъ на равнину прямо предъ большою батареею, построенною въ видѣ люнета, на коей поставлено было 18ть орудій. Дивизія Брусье засѣла въ оврагѣ, находящемся между сею батареею и селомъ Бородинымъ; а дивизія Морана, подкрѣпляемая дивизіею Жерара, расположилась на площадкѣ передъ батареею. Не смотря на ужасный картечный огонь Россійской артиллеріи, дивизія Морана съ удивительною неустрашимостію двинулась противъ 26й дивизіи Генералъ-Маіора Паскевича, которая хотя и болѣе получаса удерживала непріятеля, однакожъ одолѣна была превосходствомъ числа, и Генералъ Бонами съ 30мъ линѣйнымъ полкомъ даже овладѣлъ люнетомъ. Генералъ-Маіоры Графъ Кутайсовъ и Ермоловъ, увѣренные въ томъ, что несчастное происшествіе сіе, доставивъ непріятелю возможность пробиться въ центрѣ позиціи, можетъ утвердить за нимъ успѣхъ сраженія, рѣшились тотчасъ отвратить сію опасность; для сего взявъ третій баталіонъ Уфимскаго пѣхотнаго полка (*) отъ корпуса Генерала Докту-

---

(*) Мы увидимъ ниже, что о семъ баталіонѣ не упомянуто въ запискахъ Раевскаго, также какъ и о 18-мъ и 40-мъ егерскихъ полкахъ. Быть можетъ, что принадлежа 12-й или 26-й

рова, они повели его на потерянное укрѣпленіе. Подъ прикрытіемъ сего баталіона, разсѣянные полки дивизіи Паскевича опять собрались въ колонны и въ свою очередь устремились на непріятеля. Генералъ-Лейтенантъ Раевскій подкрѣпилъ ихъ 18мъ егерскимъ полкомъ, который вмѣстѣ съ третьимъ баталіономъ Уфимскаго полка бросился прямо на батарею, и между тѣмъ, какъ 19й и 40й егерскіе полки атаковали лѣвый флангъ непріятеля, занявшаго люнетъ, Генералъ-Адъютантъ Васильчиковъ съ нѣсколькими полками 12й пѣхотной дивизіи напалъ на него съ праваго фланга, а Генералъ Маіоръ Паскевичъ съ остальными полками той же дивизіи пошелъ въ тылъ войскъ, засѣвшихъ въ люнетѣ, и угрожалъ отрѣзать ихъ отъ главныхъ силъ дивизіи Морана, оставшейся на площадкѣ предъ укрѣпленіемъ (*). Сіи совокупныя мѣры доставили же-

---

дивизіи, дѣйствіе сихъ двухъ полковъ заключается въ общемъ дѣйствіи первой или послѣдней изъ означенныхъ дивизій.—Что-же касается до Уфимскаго баталіона, то невозможно, чтобы Раевскій умолчалъ о немъ, если бы онъ въ семъ случаѣ дѣйствительно игралъ такую блистательную роль.

(*) По запискамъ Раевскаго не видно, чтобы какая-либо часть Морановой дивизіи оставалась въ резервѣ; я полагаю, что оная была на приступѣ: ибо невозможно, чтобы Генералъ Бонами съ однимъ 30-мъ пѣхотнымъ полкомъ могъ овладѣть редутомъ, защищаемымъ хотя весьма слабымъ, но всѣмъ корпусомъ Раевскаго, за коимъ стоялъ еще корпусъ Доктурова. Сверхъ того, когда колонна Бонами пострадала, то если-бъ оставленъ былъ резервъ позади ея, онъ неминуемо поддержалъ бы ея отступленіе, и поддержавъ оное, возобновилъ бы натискъ — чего не было. Раевскій именно говоритъ, что при-

лаемый успѣхъ и въ четверть часа потерянный люнетъ былъ возвращенъ: 30й полкъ, утѣсненный Россіянами, въ безпорядкѣ опрокинутъ былъ на свою дивизію, оставя на батареѣ большую половину людей вмѣстѣ съ Генераломъ Бонами, который и взятъ въ плѣнъ. Бѣгущіе живо преслѣдованы были Генералъ-Адъютантомъ Барономъ Корфомъ, по приказанію Барклая де Толли приспѣвшимъ къ сему мѣсту съ Сибирскимъ и Иркутскимъ драгунскими полками.»

Замѣчаніе Раевскаго. Немного занимательнаго могу я сказать относительно дѣйствій моихъ въ сей кровавой битвѣ. Я имѣлъ въ моемъ распоряженіи только 16 баталіоновъ: ибо два изъ моихъ полковъ, подъ командою Графа Воронцова, какъ мнѣ помнится, были посланы въ лѣсъ, а два другіе, какъ я выше сказалъ, отправлены были во внутрь Россіи для укомплектованія. Отрядъ мой поставленъ былъ въ двѣ линіи; правое крыло опиралось на недоконченный редутъ, который послѣ сохранилъ мое имя, а лѣвое по направленію къ деревнѣ Семеновской. Напрасно говоритъ Генералъ Бутурлинъ, что конница меня поддерживала: первая линія моя стояла въ оврагѣ, а вторая на отлогости холма, на вершинѣ коего находился корпусъ Генерала Доктурова. Въ редутѣ моемъ было мѣсто только для ар-

---

чина неудачи состояла въ томъ, что Моранъ пренебрегъ оставить резервъ за собою, когда двинулся на редутъ; что весьма вѣроятно.

тиллеріи, позади коей начинался оврагъ, означенный на картѣ, и въ коемъ стояла моя первая линія.

Получивъ, по собственной моей неосторожности, за нѣсколько дней предъ сраженіемъ, сильную рану въ икру ноги штыкомъ отъ ружья, лежавшаго на телѣгѣ, я едва только въ день битвы могъ быть верхомъ, и то съ несносною болью, которая принудила меня сойти наконецъ съ лошади и стоять пѣшимъ въ редутѣ.

Князь Багратіонъ предувѣдомилъ меня, что онъ будетъ брать подкрѣпленія изъ второй моей линіи, и вмѣсто нѣкоторой части оной, взялъ при началѣ дѣла почти всю линію. Видя тогда, что первая моя линія, оставшись безъ подпоры, была слишкомъ слаба, чтобы противустать съ успѣхомъ непріятелю въ растянутомъ построеніи, я свернулъ оную въ колонны, не выводя изъ оврага, дабы дѣятельнѣе защищать редутъ помощію противудвиженій. Она расположена была слѣдующимъ образомъ: 4 баталіона 12й дивизіи подъ командою Генерала Васильчикова поставилъ я на лѣвомъ, и 4 баталіона 26й дивизіи подъ командою Генерала Паскевича на правомъ крылѣ, съ повелѣніемъ, что если непріятель атакуетъ редутъ, идти и ударить на него съ обоихъ фланговъ. Вскорѣ потомъ подошли ко мнѣ два баталіона 19го егерскаго полка, подъ командою Генерала Вунча, кои помѣстилъ я въ томъ же оврагѣ позади редута. Ссылаюсь въ этомъ на реляцію, поданную мною послѣ сраженія, и хотя за неимѣніемъ документовъ я пишу теперь на па-

мять, однакожъ не страшусь противорѣчія самому себѣ, ибо всегда говорилъ истину. Съ самаго утра увидѣлъ я колонны непріятельской пѣхоты противъ нашего центра, сливавшіяся въ огромную массу, которая пришедъ потомъ въ движеніе, отдѣлила сильную часть отъ себя, направившуюся къ моему редуту. Колонна сія шла ко мнѣ косвенно, и сраженіе завязалось спустя три четверти часа послѣ атаки, направленной противъ Князя Багратіона. Въ эту-то минуту Генералъ Коновницынъ приглашалъ меня въ Семеновское, по случаю полученной Княземъ Багратіономъ раны. Я отвѣчалъ ему, что не могу отлучиться, не отразивъ прежде атаки, направленной противъ меня, и просилъ его дѣйствовать до прибытія моего сообразно съ обстоятельствами, прибавивъ, что не замедлю явиться къ нему въ Семеновское. Дѣйствительно, это была рѣшительная минута, въ которую я ни подъ какимъ предлогомъ не могъ оставить моего поста. По приближеніи непріятеля на выстрѣлъ моихъ орудій, пальба началась и дымъ закрылъ отъ насъ непріятеля, такъ что мы не могли бы видѣть ни разстройства, ни успѣховъ его. Послѣ вторыхъ выстрѣловъ я услышалъ голосъ одного офицера, находившагося при мнѣ на ординарцахъ и стоявшаго отъ меня недалеко влѣвѣ; онъ кричалъ: «Ваше Превосходительство! спасайтесь.» — Я оборотился и увидѣлъ шагахъ въ пятнадцати отъ меня Французскихъ гренадеровъ, кои со штыками впередъ вбѣгали въ мой редутъ. Съ трудомъ пробрался я къ лѣвому моему крылу, стоявшему въ оврагѣ, гдѣ вскочилъ на лошадь, и взъѣхавъ на противополож-

ныя высоты, увидѣлъ, какъ Генералы Васильчиковъ и Паскевичъ, въ слѣдствіе данныхъ мною повелѣній, устремились на непріятеля, въ одно время, какъ Генералы Ермоловъ и Графъ Кутайсовъ, прибывшіе въ сію минуту и принявшіе начальство надъ баталіонами 19го егерскаго полка, ударили и совершенно разбили голову сей колонны, которая была уже въ редутѣ. Атакованная вдругъ съ обоихъ фланговъ и прямо, Французская колонна была опрокинута и преслѣдуема до самаго оврага, лѣсомъ покрытаго и впереди линіи находящагося. Такимъ образомъ колонна сія понесла совершенное пораженіе, и командующій ею Генералъ Бонами, покрытый ранами, взятъ былъ въ плѣнъ. Съ нашей стороны Графъ Кутайсовъ убитъ, а Ермоловъ получилъ въ шею сильную контузію. Я полагаю, что непріятель самъ причиною своей неудачи, не устроя резерва для подпоры колонны, шедшей на приступъ.

Никогда не только Корфъ, ниже одинъ кавалеристъ, не помогалъ пѣхотѣ въ семъ случаѣ: это погрѣшность въ Исторіи Бутурлина. Послѣ сего успѣха, я приказалъ привести на батареѣ все въ прежній порядокъ, а самъ отправился въ Семеновское, гдѣ нашелъ уже Генерала Доктурова, заступившаго мѣсто Князя Багратіона, Коновницына и Сен-Пріеста. Послѣдній получилъ сильную контузію въ грудь въ то время, когда Князь Багратіонъ былъ раненъ. Не имѣя тамъ никакого дѣла, я возвратился въ мой редутъ; но засталъ уже въ немъ егерей подъ командою Генерала Лихачева. Корпусъ мой такъ былъ разсѣянъ, что даже по окончаніи битвы я

едва могъ собрать 700 человѣкъ. На другой день я имѣлъ также не болѣе 1500. Въ послѣдствіи сей корпусъ въ другой разъ былъ укомплектованъ; но тогда нечѣмъ уже было дѣйствовать.

Я былъ возлѣ Барклая въ то время, когда пьяные непріятельскіе кирасиры скакали между нашими кареями безъ пользы и безъ цѣли; прогоняемые ружейнымъ огнемъ, они то скрывались въ оврагъ, то снова появлялись около кареевъ. — Вообще натиски непріятельской кавалеріи были въ сей день весьма нерѣшительны.

Съ самаго прибытія Князя Кутузова въ армію я не могъ явиться къ нему за раной въ ногѣ, о коей я упомянулъ выше; будучи же теперь свободнымъ и безъ команды, я къ нему отправился. Въ это время позиціи наши были еще за нами; огонь непріятельскій началъ ослабѣвать, но артиллерія наша нуждалась въ зарядахъ. Съ сими извѣстіями я прибылъ къ Фельдмаршалу. Онъ принялъ меня ласковѣе обыкновеннаго, потому что за минуту до меня кто-то представилъ ему дѣла наши весьма съ дурной стороны. — Надобно сказать, что, бывъ еще Гвардіи Поручикомъ, я началъ военную мою службу въ Турецкую кампанію подъ начальствомъ Фельдмаршала Князя Потемкина и находился при особѣ Кутузова, о чемъ онъ всегда вспоминалъ благосклонно и во всякомъ случаѣ оказывалъ мнѣ особое благорасположеніе. Онъ сказалъ мнѣ: «И такъ вы думаете, что мы не должны отступать?» — Я отвѣчалъ ему, что напротивъ, мнѣ кажется,

намъ должно атаковать завтра непріятеля: ибо въ дѣлахъ нерѣшенныхъ упорнѣйшій всегда остается побѣдителемъ. — Это было не хвастовство съ моей стороны; можетъ быть, я обманывался, но я именно такъ думалъ во время сего разговора. Князь Кутузовъ тогда же, въ присутствіи Его Высочества Герцога Александра Виртембергскаго, началъ диктовать Адъютанту своему Кайсарову планъ завтрашней атаки, а мнѣ приказалъ немедленно пересказать объ оной изустно Генералу Доктурову. Я бросился выполнить сіе повелѣніе, въ намѣреніи сверхъ того извѣстить объ этомъ и всѣ наши линіи, зная совершенно, какое дѣйствіе произведетъ извѣстіе сіе на духъ войскъ нашихъ. Проѣзжая къ лѣвому флангу арміи, я видѣлъ Генерала Васильчикова съ Литовскимъ гвардейскимъ полкомъ въ упорномъ бою съ непріятелемъ. Сей полкъ особенно отличился въ семъ случаѣ. Генералъ Васильчиковъ, не имѣвши никакого дѣла на правомъ, перешелъ на лѣвое крыло, гдѣ была тогда самая жаркая битва. Извѣщая о сей, можетъ быть, неизвѣстной чертѣ его рвенія и храбрости, я руководствуюсь единою истиною.

Военный совѣтъ близъ Москвы, въ деревнѣ Филяхъ.

Стран. 306.» Князь Кутузовъ хотя и принялъ уже намѣреніе оставить Москву, однакожъ 1го Сентября въ вечеру собралъ въ главной квартирѣ своей, деревнѣ Филяхъ, военный совѣтъ, дабы показать

видъ, что рѣшается на сію крайность не иначе, какъ сходно съ мнѣніемъ главнѣйшихъ Генераловъ своихъ. Совѣтъ состоялъ изъ Генераловъ: Бенигсена, Барклая де Толли и Дохтурова, Генералъ-Лейтенантовъ: Графа Остермана-Толстаго и Коновницына, Начальника Главнаго Штаба Генералъ-Маіора Ермолова и Генералъ-Квартирмейстера Толя (*) — Кутузовъ имъ представилъ предварительно тогдашнее положеніе дѣлъ, спрашивалъ у каждаго члена Совѣта порознь его мнѣнія, дабы рѣшить вопросъ: *должно ли ожидать нападенія непріятеля въ позиціи, занимаемой арміею, или уступить ему столицу безъ боя?* Генералъ Барклай де Толли, начавъ говорить, утверждалъ, что позиція была неудобна къ оборонѣ, и предложилъ, оставивъ Москву, идти по дорогѣ къ Нижнему Новугороду; ибо считалъ сей городъ пунктомъ тѣмъ важнѣйшимъ, что онъ служитъ связью между сѣверными и южными областями Россіи. Генералъ Бенигсенъ (**), поддержанный Генераломъ Дохтуровымъ, оспоривалъ сіе мнѣніе, утверждая, что позиція была довольно тверда и что армія должна дать въ оной новое сраженіе. Генералъ Коновницынъ представилъ, что хотя онъ и не одного мнѣнія съ Генераломъ Бенигсеномъ касательно утверждаемаго имъ достоинства позиціи при Филяхъ, однакожъ почитаетъ за долгъ арміи сдѣлать

(*) Раевскій, какъ мы увидимъ, пріѣхалъ на совѣтъ послѣ всѣхъ.

(**) Избравшій позицію подъ Москвою.

еще новыя усилія, прежде нежели рѣшиться на оставленіе столицы, и для сего предлагалъ идти на непріятеля и атаковать его, гдѣ бы онъ ни встрѣтился. Графъ Остерманъ-Толстой и Ермоловъ присоединились къ сему мнѣнію. . . . . Наконецъ Генералъ-Квартирмейстеръ, Полковникъ Толь, упомянувъ въ смыслѣ Генераловъ Барклая де Толли и Коновницына касательно ненадежности позиціи при Филяхъ, представилъ, что ему кажется выгоднѣе сдѣлать всею арміею боковое движеніе влѣво, дабы поставить ее въ другой позиціи, смежной съ тою, которую она тогда занимала: правымъ флангомъ къ Воробьевымъ горамъ, а лѣвымъ между старою и новою Калужскими дорогами. . .

. . . .

Онъ (самъ Кутузовъ) объявилъ, что поелику потеря Москвы не есть еще потеря Россіи, то онъ и считаетъ первымъ долгомъ своимъ сберечь армію и приблизиться къ подкрѣпленіямъ, ею ожидаемымъ; что уступая непріятелю столицу, чрезъ то самое онъ разставитъ ему сѣть, въ коей гибель его сдѣлается неизбѣжною, и что въ слѣдствіе сего онъ намѣренъ, пройдя чрезъ Москву, отступать по Рязанской дорогѣ. »

Замѣчаніе Раевскаго. Находясь въ аріергардѣ подъ начальствомъ Генерала Милорадовича, вечеромъ того дня, котораго происходилъ военный совѣтъ, я получилъ отъ Князя Кутузова повелѣніе, немедленно къ нему явиться. Я не зналъ причины сего требованія, и пришедъ къ Князю довольно поздно, нашелъ у него всѣхъ начальствовавшихъ Генераловъ.

« Я усталъ, много говорилъ» — сказалъ онъ мнѣ.— «Генералъ Ермоловъ! перескажите Николаю Нико-« лаевичу, о чемъ шло и о чемъ идетъ дѣло.»

Тогда только узналъ я, что это былъ военный совѣтъ, въ коемъ разсуждали: *должно ли дать сраженіе предъ Москвою, или оставить ее безъ битвы?* — Я спросилъ: какую позицію занимаетъ армія? Ермоловъ отвѣчалъ мнѣ, что весьма невыгодную, что армія раздѣлена оврагомъ надвое, и что одна часть не можетъ помогать другой. — Я сказалъ, что если позиція отнимаетъ у насъ возможность пользоваться всѣми нашими силами, и половина арміи нашей наступательнымъ движеніемъ непріятеля можетъ быть отстранена отъ содѣйствія съ другою половиною; что если уже рѣшено дать сраженіе: то лучше идти къ непріятелю на встрѣчу, чѣмъ ожидать его; что это единственное средство разстроить планъ его атаки; но что для подобнаго предпріятія войска наши недовольно привычны къ наступательнымъ движеніямъ, и потому мы можемъ на малое только время замедлить вторженіе непріятеля въ Москву; что отступленіе послѣ битвы чрезъ столь обширный городъ довершитъ разстройство нашей арміи; что не отъ Москвы зависитъ спасеніе Россіи; что слѣдовательно болѣе всего должно сберечь войска, и что мое мнѣніе: оставить Москву безъ сраженія; что я говорю какъ солдатъ, но что впрочемъ Князю предоставлено судить о вліяніи на умы, которое произведетъ извѣстіе о взятіи Москвы и о важности сего событія въ политическомъ отношеніи.

Князь конечно принялъ уже свое намѣреніе; по крайней мѣрѣ не мое мнѣніе рѣшило его выборъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ по-Французски слѣдующее: « Знаю, что отвѣтственность падетъ на меня; « но жертвую собою для блага отечества. Повелѣ- « ваю отступить! » (Je sens que je payerai les pots cassés; mais je me sacrifie pour le bien de ma patrie: j'ordonne la retraite!).

Фланговый маршъ на Калужскую дорогу.

Стран. 312. « Россійскій арріергардъ, по выходѣ изъ Москвы, остановился при деревнѣ Вязовкѣ; Генералъ-Лейтенантъ Раевскій принялъ начальство надъ онымъ на мѣсто Генерала Милорадовича, который присоединился къ арміи. . . . . . . »

Замѣчаніе Раевскаго. Въ семъ маршѣ я составлялъ аріергардъ праваго крыла, или лучше сказать, прикрывалъ тылъ арміи, независимо отъ Милорадовича, который ей предшествовалъ. Я имѣлъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько казачьихъ полковъ; а такъ какъ маршъ нашъ направленъ былъ на перерѣзъ всѣхъ путей, лежащихъ изъ южныхъ губерній въ Москву и сосредоточивающихся въ ней какъ въ общемъ центрѣ, то я, пользуясь симъ обстоятельствомъ, оставлялъ на каждой дорогѣ, нами пересѣкаемой, по одному изъ сихъ полковъ, съ повелѣніемъ каждому изъ нихъ особо, не слѣдовать уже за общимъ движеніемъ арміи, но при появленіи непріятеля отступать по той дорогѣ, на которой онъ былъ поставленъ. Я говорю о семъ распоряже-

нія потому, что приписываю оному невѣденіе, въ коемъ нѣкоторое время находился непріятель относительно направленія нашей арміи.

Лагерь при Тарутинѣ.

Стран. 329 и 330.» Въ отношеніяхъ тактическихъ Тарутинской лагерь имѣлъ нѣкоторые недостатки. . . . . Высоты лѣваго берега рѣки Истьи совершенно повелѣвали сею равниною; а лѣсъ, слишкомъ обширный, чтобы можно было занять надлежащимъ образомъ, представлялъ непріятелю удобность скрытно обойти лѣвое крыло. Къ тому же лѣсъ сей, простираясь въ тылъ лагеря, причинялъ еще другую важную неудобность, ибо лишалъ его потребной глубины. . . . .

Полковникъ Гогель съ 1мъ, 5мъ, 6мъ, 11мъ и 33мъ егерскими полками занималъ лѣсъ, находящійся на лѣвомъ флангѣ.»

Замѣчаніе Раевскаго. Такъ какъ основательно можно было предполагать, что въ случаѣ атаки, она поведена будетъ на лѣвое наше крыло, то въ слѣдствіе сего предположенія Князь приказалъ подѣлать засѣки въ лѣсу, къ коему оно примыкало. Я назначенъ былъ въ письменномъ приказѣ по арміи командовать егерскими полками, занимавшими сей лѣсъ.

Сраженіе при Маломъ Ярославцѣ.

Томъ 2й, *стран.* 40.» Генералъ Дороховъ прибылъ къ Малому Ярославцу 12го Октября, въ 5 часовъ по

полуночи, и нашедъ сей городъ занятымъ двумя баталіонами непріятельской дивизіи Генерала Дельзона, немедленно атаковалъ ихъ 6мъ и 33мъ, подкрѣпленными 11мъ и 19мъ егерскими полками.»

Замѣчаніе Раевскаго. 6й егерскій полкъ принадлежалъ моей 12й дивизіи; помнится, что оный никуда не былъ отряженъ, и надобно думать, что это ошибка въ нумерѣ.

Стран. 41. »Успѣхъ сраженія уже видимо клонился на сторону непріятеля; но появленіе переднихъ войскъ главной арміи на равнинѣ, предъ Малымъ Ярославцемъ лежащей, ободрило нашихъ и доставило средство возстановить дѣло. Кн. Кутузовъ, услышавъ пальбу, приказалъ поспѣшать своимъ войскамъ, и тотчасъ послалъ къ Дохтурову на подкрѣпленіе Генералъ-Лейтенанта Раевскаго съ 7мъ пѣхотнымъ корпусомъ.»

Замѣчаніе Раевскаго. Я шелъ предъ корпусомъ Генералъ-Лейтенанта Бороздина; перешедъ рѣку Протву, мы остановились. Князь Кутузовъ лично слѣдовалъ при двухъ нашихъ корпусахъ. Когда же началась въ Мало-Ярославцѣ сильная канонада, онъ находился въ ближайшей отъ насъ деревнѣ. Потерявъ терпѣніе и тщетно ожидая повелѣнія идти, я, опасаясь отказа на просьбу мою, двинулся съ моимъ корпусомъ къ упомянутому городу, не испросивъ позволенія. Чѣмъ ближе я подходилъ, тѣмъ канонада становилась сильнѣе, и когда оставалось мнѣ не болѣе 4хъ верстъ до мѣста битвы, я по-

лучилъ повелѣніе остановиться. Немного спустя, проѣхалъ Ермоловъ изъ Мало-Ярославца къ Фельдмаршалу; онъ былъ весьма доволенъ, нашедши меня такъ близко. Я разсказалъ ему мой случай.—« Ваша помощь необходима Доктурову, » отвѣчалъ онъ мнѣ: « я поспѣшу испросить вамъ позволеніе Князя. » — Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько времени я получилъ повелѣніе двинуться. Оставя на ходу мой отрядъ, я поскакалъ къ Генералу Доктурову; онъ указалъ мнѣ позицію на правой сторонѣ города, и я съ 12ю моею дивизіею занялъ оную, а 26ю помѣстилъ за городомъ, гдѣ шелъ бой неослабный. Вскорѣ Генералъ Доктуровъ потребовалъ у меня подкрѣпленія для лѣваго своего крыла; я послалъ ему 26ю дивизію; потомъ принужденъ былъ отрядить бригаду изъ 12й дивизіи для подпоры войскамъ, сражавшимся въ городѣ. Оставляю Генералу Паскевичу, командовавшему 26ю дивизіею, дополнить недостатокъ сего разсказа. Въ продолженіе дѣла я былъ усиленъ двумя полками: однимъ изъ корпуса Коновницына, а другимъ изъ корпуса Бороздина. Мой же корпусъ, какъ видно изъ сказаннаго, былъ разбросанъ. Я удерживалъ позицію мою на правомъ крылѣ до самой ночи, безпрерывно сражаясь, даже и тогда, когда городъ, превращенный въ пепелъ, остался въ рукахъ непріятеля. Войска наши дрались храбро и упорно; но должно сознаться, что честь битвы принадлежитъ Французамъ. Всѣ выгоды позиціи были на нашей сторонѣ, и я приписываю успѣхъ непріятеля безпорядку въ содѣйствіи различныхъ частей нашихъ войскъ между собою, произшедшему отъ недостатка единства въ коман-

дованіи оными. — Замѣтно также было, что Князь Кутузовъ избѣгалъ общей, рѣшительной битвы, *коей успѣхъ могъ быть сомнительнымъ*, и только увлеченный обстоятельствами, онъ заградилъ къ ночи Калужскую дорогу всею своею арміею.

Стран. 54. » Генералъ Милорадовичъ съ авангардомъ и Генералъ-Маіоръ Паскевичъ съ своимъ отрядомъ подвинулись къ селу Егорьевскому. »

Замѣчаніе Раевскаго. По отряженіи Генерала Паскевича съ 26ю моею дивизіею, я былъ усиленъ дивизіею легкой кавалеріи, и составлялъ авангардъ большой арміи.

Первая битва подъ Краснымъ.

Стран. 96. » 2го Ноября Генералъ Милорадовичъ со 2мъ, 7мъ пѣхотными и 1мъ кавалерійскими корпусами расположился при деревняхъ Рогайловой и Задорожьѣ. . . . .

3го Ноября Генералъ Милорадовичъ выступилъ рано поутру къ селу Ржавкѣ. »

Замѣчаніе Раевскаго. 1го Ноября, если не ошибаюсь (*), получилъ я повелѣніе: идти къ одной деревнѣ (коей имени не запомню, и которая лежала

(*) Я полагаю 2-го Ноября. Д. Д.

между дорогой, занятой арміею, и Смоленскимъ большимъ трактомъ), и прибывъ туда въ полночь, ожидать Генерала Милорадовича, дабы дѣйствовать подъ его начальствомъ. Я въ точности исполнилъ сіе повелѣніе; засталъ тамъ Французскихъ мародёровъ, изъ коихъ нѣкоторые бѣжали, а другіе взяты были въ плѣнъ, и ожидалъ Графа Милорадовича, который прибылъ уже въ 3 часа по полудни. Онъ послалъ меня къ Смоленской дорогѣ, по коей тянулись въ безпорядкѣ войска Маршала Даву, съ великимъ количествомъ багажа и пушекъ. Въ это время была такая сильная гололедица, что стрѣлки мои никакъ не могли перейти оврага, отдѣлявшаго насъ отъ большой дороги, по которой шелъ непріятель.

Я поставилъ сильную батарею противъ моста, по коему непріятель долженъ былъ проходить, и когда подбилъ у нихъ одну пушку, то вся остальная ихъ артиллерія и экипажи не могли уже двинуться. Такимъ образомъ они принуждены были оставить до 30 пушекъ и множество экипажей. Сіе дѣло было ничтожно само по себѣ; но 5й мой егерскій полкъ, стоявшій полѣвѣе, имѣлъ довольно значительную сшибку, въ коей отнялъ съ боя у непріятеля 4 пушки и взялъ въ плѣнъ Генерала Меріажа, ѣхавшаго въ колясккѣ по причинѣ раны, прежде еще полученной имъ въ ногу.

Когда съ наступленіемъ ночи сраженіе кончилось, то я съ 26ю моею дивизіею расположился на бивакахъ близъ одной деревни, коей названія не помню, и которая лежала въ долинѣ. Долина сія тянулась

параллельно съ большой дорогой и отстояла отъ оной не далѣе 3хъ или $3\frac{1}{2}$ верстъ. 12я моя дивизія была расположена на лѣвомъ крылѣ корпуса въ другой деревнѣ, лежавшей въ той же долинѣ; въ 3хъ верстахъ отъ меня находились другія деревни въ той же долинѣ, кои заняты были войсками 2го пѣхотнаго корпуса Князя Долгорукаго, старшаго меня по списку.

Вторая битва подъ Краснымъ.

Стран. 101. » (4го Ноября) Вице-Король, передъ разсвѣтомъ выступившій отъ деревни Лубни, во все утро не встрѣтилъ на пути никакого препятствія. Въ три часа по полудни Генералъ Милорадовичъ, получивъ отъ передовыхъ постовъ извѣстіе о приближеніи непріятеля, тотчасъ сдѣлалъ распоряженія свои, дабы преградить ему путь къ городу Красному. Генералъ-Лейтенантъ Князь Долгорукій со 2мъ пѣхотнымъ корпусомъ, опрокинувъ авангардъ непріятельскій и прогнавъ его къ главнымъ силамъ корпуса Вице-Короля, сталъ поперегъ большой дороги, наровнѣ съ деревнею Микулино. 7й пѣхотный корпусъ Генералъ-Лейтенанта Раевскаго вытянутъ былъ параллельно большой дорогѣ, между разоренною деревнею Стѣсною и Дубровинкою. 12я пѣхотная дивизія примыкала лѣвымъ флангомъ къ Стѣснѣ, а 26я дивизія составляла оконечность праваго крыла. Вице-Король, видя себя остановленнымъ спереди и угрожаемымъ съ лѣваго фланга, построилъ войска свои въ три колонны къ атакѣ: первая подъ покровительствомъ огня 6 орудій

съ такимъ стремленіемъ бросилась на правый флангъ 7го корпуса, что 1я бригада 26й дивизіи, составлявшая правую оконечность Россійской линіи, подалась нѣсколько назадъ; однакожъ сей первый успѣхъ непріятеля не имѣлъ послѣдствій. Милорадовичъ приказалъ Генералъ-Адъютанту Уварову подкрѣпить атакованную пѣхоту кавалеріею, съ помощію коей Россійская бригада построившись, опять возвратила потерянное мѣсто; а непріятельская колонна, въ свою очередь опрокинутая и тѣснимая кавалеріею, искала себѣ спасенія, построившись въ два каре. Но и сей маневръ былъ для нея неудаченъ. Полковникъ Давыдовъ съ Московскимъ и Полковникъ Поль съ Каргопольскимъ драгунскими полками, бросились на оба карея, и уничтоживъ ихъ, отбили 4 пушки. . . . .
Генералъ Милорадовичъ, видя безпорядокъ, въ который непріятель приведенъ былъ худымъ успѣхомъ своего нападенія и дѣйствіемъ Россійской артиллеріи, послалъ къ нему переговорщикомъ Полковника Князя Кудашева, съ требованіемъ, чтобы положилъ оружіе.»

Замѣчаніе Раевскаго. Поутру слѣдующаго дня, я съ Генераломъ Юрковскимъ, начальникомъ нашихъ аванпостовъ, проѣхалъ по Смоленской дорогѣ около 5 верстъ, не встрѣтивъ никого; но возвратясь къ себѣ, лишь только сѣлъ за обѣдъ, какъ вдругъ вошелъ ко мнѣ братъ мой, Подполковникъ Давыдовъ (*). — «Что вы здѣсь дѣлаете, братецъ?»

(*) Петръ Львовичъ; нынѣ Тайнымъ Совѣтникомъ, въ отставкѣ.

сказалъ онъ мнѣ: « непріятель тянется по большой дорогѣ. —» Это изумило меня: ибо я ни отъ Юрковскаго не получалъ извѣстій, ни отъ Милорадовича никакихъ повелѣній; причину сей странности я изъясню въ послѣдствіи. Такъ какъ войска мои были въ готовности, то я въ минуту двинулся къ большой дорогѣ, и дѣйствительно увидѣлъ многочисленныя непріятельскія колонны, большая часть коихъ далеко уже были впереди меня; въ тоже время въ сторонѣ Князя Долгорукаго я услышалъ канонаду; на правой сторонѣ у меня находился лѣсъ болѣе длинный, нежели широкій и лежавшій перпендикулярно къ большой дорогѣ. Я едва успѣлъ занять половину онаго 5мъ егерскимъ полкомъ и построить остатокъ 26й моей дивизіи въ боевой порядокъ, какъ непріятель, выстроясь тоже, двинулся на меня — и битва завязалась. Я послалъ за 12ю моею дивизіею; но не получалъ никакого извѣстія о ней; между тѣмъ со стороны Князя Долгорукаго канонада прекратилась. Опасаясь нападенія на правое мое крыло, я самъ поѣхалъ осмотрѣть оное, и нашелъ тамъ только сотню стрѣлковъ 5го егерскаго полка, внѣ лѣса перестрѣливавшихся съ непріятелемъ, изъ лѣсу стрѣлявшимъ. Не получая никакихъ извѣстій о 12й моей дивизіи, не взирая на то, что я нѣсколько разъ посылалъ за нею, я принужденъ былъ взять подкрѣпленіе у Генерала Паскевича, находившагося на лѣвомъ крылѣ 26й дивизіи. Между тѣмъ я увидѣлъ сильный отрядъ непріятельской пѣхоты, въ двухъ колоннахъ ко мнѣ приближавшійся. Къ счастію, я имѣлъ въ то время подъ рукою Московскій драгунскій полкъ,

который состоялъ, впрочемъ, не болѣе какъ изъ 200 человѣкъ. Я приказалъ ему атаковать ближайшую изъ сихъ колоннъ. Въ одно мгновеніе драгуны сіи храбро врубились въ средину оной; но не могли совершенно истребить ее, ибо другая колонна подоспѣла къ атакованной на помощь; и потому драгуны принуждены были отступить, не причинивъ непріятелю большаго вреда; впрочемъ ударъ сей остановилъ по крайней мѣрѣ наступательное движеніе непріятеля. Въ эту минуту Орловскій пѣхотный полкъ, отряженный Паскевичемъ и состоявшій изъ 300 или 350 человѣкъ съ однимъ орудіемъ, пришелъ ко мнѣ на помощь. Непріятель оставался въ неподвижности и въ бездѣйствіи. Я разсѣялъ слабый Орловскій полкъ въ стрѣлки, кои немедленно окружили три непріятельскіе фаса. Ексцентрическій огонь непріятеля мало наносилъ намъ вреда; но огонь стрѣлковъ моихъ и съ ними пришедшаго орудія производилъ большое опустошеніе въ колоннѣ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ сей неравной битвы, драгуны мои и стрѣлки, видя колонну нѣсколько разстроенною, вдругъ бросились на нее по собственному побужденію: все пало подъ остріемъ, разсѣялось или положило оружіе! Такимъ образомъ начальникъ бригады, Генералъ Елизеръ, 32 офицера, нѣсколько сотъ рядовыхъ и 2 орла были трофеями сего дня. — Въ это время прибылъ ко мнѣ Полковникъ Князь Кудашевъ; начинало уже смеркаться; стрѣльба со стороны Генерала Паскевича прекратилась. Я послалъ Кудашева съ трубачемъ къ другимъ колоннамъ, чтобы уговорить ихъ къ сдачѣ, приказавъ сказать имъ, что будучи совер-

шенно отрѣзанными, имъ не остается другаго средства прекратить безполезное кровопролитіе, какъ одною сдачею, и что въ случаѣ отказа, я устремлюсь на нихъ и тогда не будетъ уже пощады. Между тѣмъ я построилъ отрядъ мой въ колонны къ атакѣ. Кудашевъ возвратился и донесъ мнѣ, что непріятель не смѣетъ рѣшиться на мое требованіе безъ воли Вице-Короля Италійскаго, и что онъ послалъ уже представить ему состояніе дѣлъ и ожидаетъ его повелѣній. Я видѣлъ, что мы другъ друга морочимъ, и что выигрышъ будетъ не на моей сторонѣ! Ночь давно уже наступила и я съ барабаннымъ боемъ двинулся къ большой дорогѣ; но не нашелъ уже никого: дорога, усаженная деревьями, скрыла движеніе непріятеля, и онъ, пользуясь и положеніемъ симъ и темнотою ночи, тайно отступилъ отъ меня. — Въ послѣдствіи оказалось, что Князь Кудашевъ велъ переговоры съ ихъ аріергардомъ. Въ это время прибыли ко мнѣ два полка кавалеріи, посланные Генераломъ Уваровымъ; но слишкомъ уже поздно.—Вотъ поясненіе дѣла: Графъ Милорадовичъ, послѣ дѣла, бывшаго наканунѣ, возвратился въ деревню, гдѣ была его квартира, дабы приготовить рапортъ и реляцію. По отправленіи оныхъ, послѣ обѣда онъ возвращался къ своему корпусу, и проѣзжая мимо 12й моей дивизіи, услышалъ въ сторонѣ Князя Долгорукаго пушечные выстрѣлы. Находя нужнымъ послать ему подкрѣпленіе, онъ послалъ къ нему сію дивизію, забывъ въ жару дѣла увѣдомить меня объ этомъ; дивизіонный начальникъ также не увѣдомилъ меня о томъ, и по-

сему Адъютанты мои и не могли ее найти, не взирая на все ихъ въ этомъ стараніе.

Князь Долгорукій, во время извѣщенный о приближеніи непріятеля, заградилъ ему дорогу своимъ корпусомъ; я же атаковалъ только хвостъ колонны. Непріятель видя, что ему невозможно пробиться сквозь многочисленныя войска Долгорукова, стоявшія предъ нимъ, обратился вспять и напалъ на меня со всѣми своими силами. Конечно, я никакъ не могъ бы устоять съ 3мя или 3500 человѣкъ, бывшими со мною, если бы непріятель, какъ я думаю, не страшился напора корпуса Князя Долгорукаго. Послѣдняя же атака бригады Елизеровой, вѣроятно, была опредѣлена для прикрытія отступленія главныхъ силъ колонны. Я увѣренъ, что если бы конница Генерала Уварова пришла часомъ ранѣе, то корпусъ непріятельскій не ускользнулъ бы отъ насъ, особенно, если бы пѣхота Князя Долгорукаго и 12я моя дивизія, двинувшись впередъ, способствовали моему натиску. Я полагаю также, что Генералъ Милорадовичъ въ реляціи своей по ошибкѣ приписываетъ Генералу Уварову какую-то кавалерійскую атаку: слава, озарявшая отличныя заслуги сего Генерала, не имѣетъ нужды въ одной лишней атакѣ, никогда имъ не произведенной. Я одинъ изъ числа тѣхъ, кои искренно сожалѣютъ о потерѣ сего достойнаго человѣка, и кои отдаютъ его благороднымъ чувствамъ и правиламъ наибольшую справедливость—но правда всего дороже!

Никогда 1я бригада Генерала Паскевича не пода-

лась назадъ отъ натиска непріятеля. Весьма естественно войску, сколько бы оно храбро ни было, отступить отъ превосходныхъ силъ, на него напирающихъ, и какое войско не сдѣлало бы сего въ подобномъ случаѣ? Но въ дѣлѣ, о коемъ говорится, вовсе этого не было, и я за удовольствіе себѣ поставляю отдать должную справедливость неустрашимости, съ каковою Генералъ Паскевичъ встрѣчалъ и отражалъ всѣ непріятельскія наступленія.

Генералъ Милорадовичъ, по окончаніи дѣла, прибылъ въ мою квартиру, гдѣ я донесъ ему обо всемъ изустно.

Четвертая битва подъ Краснымъ.

Стран. 118. » 6го Ноября, около 3^хъ^ часовъ по полудни, казаки Генералъ-Маіора Юрковскаго извѣстили о приближеніи Маршала Нея, и Генералъ Милорадовичъ двинулся впередъ къ берегамъ рѣчки Лосмины. 7^й^ пѣхотный корпусъ, имѣвшій 26^ю^ дивизію въ первой, а 12^ю^ во второй линіи, составивъ правое крыло боеваго строя, примкнулъ правымъ флангомъ къ колѣну, образуемому рѣчкою Лосминою, а лѣвымъ къ большой дорогѣ. . . . .

. . . .

. . . .

Маршалъ Ней, видя совершенную невозможность отвратить неминуемую гибель главныхъ силъ своего корпуса, который представлялъ уже нестройную громаду разсѣянныхъ баталіоновъ, рѣшился

спасти хотя часть онаго. На сей конецъ, взявъ съ собою 4000 человѣкъ войска, сохранившаго еще нѣкоторый порядокъ, обратился онъ при наступленіи темноты къ деревнѣ Сырокоренью, дабы тамъ перейти рѣку Днѣпръ. . . . .
Главная часть непріятельскаго корпуса, оставленная начальникомъ своимъ на большой дорогѣ, въ полночь прислала къ Генералу Милорадовичу переговорщика съ предложеніемъ о сдачѣ, которое тотчасъ было принято, и 8500 человѣкъ, еще составлявшіе сей корпусъ, положили ружье. »

Замѣчаніе Раевскаго. 7й корпусъ стоялъ въ одной колоннѣ, ибо ему по малолюдности своей нельзя было развернуться по всему огромному пространству позиціи, которую мы заняли наскоро. Немедленно при полученіи извѣстія о приближеніи непріятеля, 26я дивизія, прибывшая послѣ 12й, помѣщена была на правомъ крылѣ оной. Мы были сильно атакованы войсками Маршала Нея; на правомъ крылѣ была штыковая хватка. Оставляю Генералу Паскевичу описать сію битву, ибо онъ лично велъ свои колонны противъ непріятеля. Со стороны онаго остервененіе было столь велико, что сіе несчастное, изнуренное голодомъ и усталостію войско, казалось, жаждало конца своихъ страданій подъ нашими ядрами и пулями.

Теперь я разскажу одно случившееся со мною происшествіе, которое почитаю достойнымъ вниманія относительно того времени обстоятельствъ.

По окончаніи вышесказанной битвы я отправился въ мою квартиру отдохнуть. Чрезъ нѣсколько времени офицеръ, бывшій при мнѣ на ординарцахъ, разбудилъ меня и объявилъ, что пришли два Французскіе офицера отъ одной Французской колонны, состоящей изъ 5,000 человѣкъ, которая никому другому кромѣ меня не хочетъ сдаться. Я приказалъ имъ войти. Одинъ изъ нихъ былъ лекарь, а другой, по имени Коло́, родомъ Французъ, жившій долгое время въ Россіи и исправлявшій должность переводчика у соотчичей своихъ въ Смоленскѣ. Вотъ его исторія: Сей Коло́ служилъ нѣсколько лѣтъ камердинеромъ у брата моего, Полковника Александра Давыдова, и въ теченіе этого времени женился на одной Ливонской сиротkѣ, жившей въ домѣ моей матери. Я видалъ его безъ замѣчанія; но онъ зналъ меня хорошо. Одна изъ колоннъ Маршала Нея, въ коей сей Коло́ находился, бывъ отрѣзана отъ корпуса своего, принуждена была ночевать на открытомъ полѣ и развела большіе огни. Въ это время одинъ сбившійся съ дороги Лейбъ-гусаръ, принявъ ихъ за Русскихъ, подъѣхалъ къ нимъ и попалъ имъ въ руки. Такъ какъ въ колоннѣ не было ни одного высшаго званія офицера, то одни хотѣли его убить, другіе сохранить ему жизнь; но ексъ-камердинеръ Коло́, допрашивая его и узнавъ, что я стою близко съ моимъ корпусомъ, уговорилъ несчастныхъ своихъ товарищей воспользоваться симъ случаемъ для общаго спасенія, объяснивъ имъ предварительно, сколь положеніе ихъ безнадежно. Тогда, взявъ означеннаго гусара въ проводники и въ сопровожденіи лекаря, Коло́ явился ко

мнѣ уполномоченнымъ парламентеромъ и остался при мнѣ, обратясь къ прежней своей должности, то есть, къ должности камердинера. Лекарь же, въ сопровожденіи моего ординарца и двухъ казаковъ, съ разсвѣтомъ привелъ ко мнѣ всю сію колонну. — Такимъ образомъ я взялъ въ плѣнъ 5 тысячъ человѣкъ *не сходя съ постели*, и теперь еще, воспоминая объ этомъ происшествіи, не могу воздержаться отъ смѣха, зная, какъ часто такъ называемые важные подвиги, имѣя основаніемъ подобные случаи, гремятъ въ реляціяхъ, будучи въ сущности своей ни важнѣе, ни отважнѣе того, для котораго мнѣ стоило только приподнять голову съ подушки и сказать два слова!

КОНЕЦЪ.

LIBRARY OF CONGRESS
0 009 202 839 2